

ISSN 2412-8228

№ 5(19) т.2
2017

МАЙ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

• СВИДЕТЕЛЬСТВО РОСКОМНАДЗОРА ПИ № ФС 77 - 62020 •

ИЗДАТЕЛЬСТВО: «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»
[HTTP://WWW.SCIENCEPROBLEMS.RU](http://www.scienceproblems.ru)
ЖУРНАЛ: «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»
[HTTP://WWW.LEGALSCIENCE.RU](http://www.legalscience.ru)

Отечественная
юриспруденция
№ 5 (19), 2017. Том 2

Москва
2017

Отечественная юриспруденция

№ 5 (19), 2017. Том 2

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Вальцев С.В.

Зам. главного редактора: Ефимова А.В.

Выходит 12 раз в год

Подписано в печать:
12.05.2017

Дата выхода в свет:
16.05.2017

Формат 70х100/16.
Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,33
Тираж 1 000 экз.
Заказ № 1200

Территория
распространения:
зарубежные страны,
Российская
Федерация

ТИПОГРАФИЯ
ООО «ПресСто».
153025, г. Иваново,
ул. Дзержинского, 39,
строение 8

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Олимп»
153002, г. Иваново,
Жиделева, д. 19

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Проблемы науки»

Свободная цена

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Чиладзе Г.Б. (д-р юрид. наук, Грузия), Губарева Т.И. (канд. юрид. наук, Россия),
Жамулинов В.Н. (канд. юрид. наук, Казахстан), Упоров И.В. (канд. юрид. наук, д-р
ист. наук, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдуллаев К.Н. (д-р филос. по экон., Азербайджанская Республика), Алиева В.Р. (канд. филос. наук,
Узбекистан), Абуллаев Н.Н. (д-р экон. наук, Азербайджанская Республика), Аликулов С.Р. (д-р техн.
наук, Узбекистан), Ананьева Е.П. (д-р филос. наук, Украина), Асатурова А.В. (канд. мед. наук,
Россия), Аскарохджиев Н.А. (канд. биол. наук, Узбекистан), Байтасов Р.Р. (канд. с.-х. наук,
Белоруссия), Бакико И.В. (канд. наук по физ. воспитанию и спорту, Украина), Бахор Т.А. (канд.
филос. наук, Россия), Баулина М.В. (канд. пед. наук, Россия), Блейх Н.О. (д-р ист. наук, канд. пед.
наук, Россия), Богомолов А.В. (канд. техн. наук, Россия), Бородай В.А. (д-р социол. наук, Россия),
Волков А.Ю. (д-р экон. наук, Россия), Гавриленкова И.В. (канд. пед. наук, Россия), Гарагонич В.В. (д-р
ист. наук, Украина), Глуценко А.Г. (д-р физ.-мат. наук, Россия), Гринченко В.А. (канд. техн. наук,
Россия), Губарева Т.И. (канд. юрид. наук, Россия), Гутникова А.В. (канд. филол. наук, Украина),
Датий А.В. (д-р мед. наук, Россия), Демчук Н.И. (канд. экон. наук, Украина), Дивненко О.В. (канд.
пед. наук, Россия), Доленко Г.Н. (д-р хим. наук, Россия), Есенова К.У. (д-р филол. наук, Казахстан),
Жамулинов В.Н. (канд. юрид. наук, Казахстан), Жалдошоев С.Т. (д-р мед. наук, Кыргызская
Республика), Ибадов Р.М. (д-р физ.-мат. наук, Узбекистан), Ильинских Н.Н. (д-р биол. наук, Россия),
Кайракбаев А.К. (канд. физ.-мат. наук, Казахстан), Кафтаева М.В. (д-р техн. наук, Россия), Киквидзе
И.Д. (д-р филол. наук, Грузия), Кобланов Ж.Г. (канд. филол. наук, Казахстан), Ковалёв М.Н. (канд.
экон. наук, Белоруссия), Крайцова Т.М. (канд. психол. наук, Казахстан), Кузьмин С.Б. (д-р геогр.
наук, Россия), Куликова Э.Г. (д-р филол. наук, Россия), Курманбаева М.С. (д-р биол. наук, Казахстан),
Куртаян И.И. (канд. экон. наук, Узбекистан), Линькова-Даниельс Н.А. (канд. пед. наук,
Австралия), Лукиченко Л.В. (д-р техн. наук, Россия), Макаров А.Н. (д-р филол. наук, Россия),
Мацаренко Т.Н. (канд. пед. наук, Россия), Мейманов Б.К. (д-р экон. наук, Кыргызская Республика),
Мурадов Ш.О. (д-р техн. наук, Узбекистан), Набиев А.А. (д-р наук по геoinформ., Азербайджанская
Республика), Назаров Р.Р. (канд. филос. наук, Узбекистан), Наумов В. А. (д-р техн. наук, Россия),
Овчинников Ю.Д. (канд. техн. наук, Россия), Петров В.О. (д-р искусствоведения, Россия), Радкевич
М.В. (д-р техн. наук, Узбекистан), Рахимбеков С.М. (д-р техн. наук, Казахстан), Розыходжаева Г.А.
(д-р мед. наук, Узбекистан), Романенкова Ю.В. (д-р искусствоведения, Украина), Рубцова М.В. (д-р
социол. наук, Россия), Румянцев Д.Е. (д-р биол. наук, Россия), Самков А. В. (д-р техн. наук, Россия),
Саньков П.Н. (канд. техн. наук, Украина), Селитренникова Т.А. (д-р пед. наук, Россия), Сибирцев В.А.
(д-р экон. наук, Россия), Скрипко Т.А. (д-р экон. наук, Украина), Сонов А.В. (д-р ист. наук, Россия),
Стрекалов В.Н. (д-р физ.-мат. наук, Россия), Стукаленко Н.М. (д-р пед. наук, Казахстан), Субачев
Ю.В. (канд. техн. наук, Россия), Сулейманов С.Ф. (канд. мед. наук, Узбекистан), Трегуб И.В. (д-р
экон. наук, канд. техн. наук, Россия), Упоров И.В. (канд. юрид. наук, д-р ист. наук, Россия),
Федоськина Л.А. (канд. экон. наук, Россия), Хилтухина Е.Г. (д-р филос. наук, Россия), Цуцулян С.В.
(канд. экон. наук, Республика Армения), Чиладзе Г.Б. (д-р юрид. наук, Грузия), Шамшина И.Г. (канд.
пед. наук, Россия), Шарипов М.С. (канд. техн. наук, Узбекистан), Шевко Д.Г. (канд. техн. наук,
Россия).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

153008, РФ, г. Иваново, ул. Лежневская, д.55, 4 этаж

Тел.: +7 (910) 690-15-09.

<http://legalscience.ru> e-mail: info@p8n.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС 77-62020.

Редакция не всегда разделяет мнение авторов статей, опубликованных в журнале
Учредитель: Вальцев Сергей Витальевич

© Отечественная юриспруденция / 2017

Содержание

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	5
<i>Сторожева Е.С.</i> О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРАВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	5
<i>Сторожева Е.С.</i> УЧАСТИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	7
<i>Свирид А.В.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	10
<i>Хоружий В.В.</i> ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	12
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО.....	14
<i>Кассирова Т.М.</i> ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ГРАНИЦ РЫНКА В ЦЕЛЯХ АНТИМОНОПОЛЬНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВ	14
<i>Найдовская А.С.</i> НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АЛИМЕНТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	16
ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....	22
<i>Балакирева К.В.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕДИЦИНСКОГО И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВ: ОГРАНИЧЕНИЯ, ИСКЛЮЧЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	22
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	26
<i>Князева О.В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ	26
<i>Савин В.С., Осадчая Н.Г.</i> ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	30
<i>Савин В.С., Осадчая Н.Г.</i> ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК МЕТОДА БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ	34
<i>Зобов В.А.</i> ЗАЩИТА ИНСТИТУТА СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО- ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ	39
<i>Александров А.В.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ	40
<i>Смирнова В.А.</i> СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ ПРЕСТУПНЫХ БАНКРОТСТВ	42
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	45
<i>Сторожева Е.С.</i> ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ ПРИ ПРИНЯТИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ.....	45
<i>Савастлеев А.А.</i> ТЕОРИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ	48

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	51
<i>Дерен Ю.Г.</i> ПРИНЦИПЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОХОДОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЕ.....	51
<i>Сапончик Е.А.</i> ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	53
<i>Даньшов В.Э., Ляшко Г.С.</i> «СКОРАЯ СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ»: ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕПЯТСТВОВАНИЕ АВТОТРАНСПОРТУ МЕДИЦИНСКИХ СЛУЖБ.....	59
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС.....	62
<i>Скрипина С.В.</i> ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ПРИЧИНЫ СУДЕБНЫХ ОШИБОК В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	62
<i>Скрипина С.В.</i> РОЛЬ АПЕЛЛЯЦИОННОГО И КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ИСПРАВЛЕНИИ СУДЕБНЫХ ОШИБОК.....	65
<i>Федоров В.В.</i> ПРЕДЕЛЫ УСМОТРЕНИЯ СУДА В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	69
<i>Дмитриева Г.С.</i> К ВОПРОСУ О ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ЗАЯВЛЕНИЙ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЙ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОМУ СУДУ	72
<i>Колесникова Е.А.</i> ИНСТИТУТ СОДЕЙСТВИЯ ТРЕТЕЙСКИМ СУДАМ: НОВАЯ ПРОБЛЕМА ИЛИ РЕШЕНИЕ	75

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРАВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сторожева Е.С.

*Сторожева Елена Сергеевна – магистрант,
кафедра конституционного и муниципального права,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград*

Аннотация: в статье анализируются целесообразность наделения депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ правом законодательной инициативы, осуществляемым в индивидуальном порядке. Приводится зарубежный опыт коллективного внесения парламентариями законотворческих предложений.

Ключевые слова: Государственная Дума, депутат, депутатская группа, законодательная инициатива, законопроект, правотворческая деятельность, фракция.

Принято считать, что право законодательной инициативы в представительном органе является одним из традиционных полномочий парламентария, принадлежащих ему в силу его статуса. Однако при ближайшем рассмотрении данный вопрос представляется далеко не столь однозначным с точки зрения оптимизации правотворческой деятельности.

Помимо прочно закрепившегося в отечественном правовом сознании представления о необходимости наделения каждого депутата полномочиями по самостоятельному осуществлению законодательной инициативы, в науке конституционного права имеются и альтернативные точки зрения. Так, отдельными авторами высказываются предложения о целесообразности полного лишения депутатов права законодательной инициативы.

Как полагают И.П. Окулич и А.Ю. Заварухин, таким правом, должны обладать только Правительство РФ, законодательные органы субъектов Федерации и глава государства. Они должны обращаться в Думу с законопроектами, а Дума должна дорабатывать эти законопроекты и принципиально решать при этом единственный вопрос: утвердить предложенный соответствующим органом закон в представленном виде или же отклонить [5, с. 3].

Достоинством такой модели является сравнительно небольшое число правительственных законопроектов, большая степень их проработанности при подаче в парламент, а также возможность депутатов всецело заниматься обсуждением уже внесенного законопроекта, не отвлекаясь на собственную инициативную деятельность.

Стоит отметить, что данные предложения вовсе не беспочвенны, как показывает парламентская статистика. В ряде зарубежных стран правительство является основным источником законодательной инициативы, внося от 90 до 100% инициатив. Так, из 112 законопроектов, принятых Национальным Собранием Вьетнама в период 2009 г. по 2014 г., правительством было внесено 103 законодательные инициативы, что составляет свыше 91% от общего количества [6, с. 256-271]. В то же время доля законодательных инициатив Правительства РФ по состоянию на 2005 г. составляла около 23%, что существенно меньше [2, с. 94-95; 4, с. 21-23].

Статистика законотворческой деятельности Федерального Собрания РФ за последние годы позволяет сделать вывод о том, что за период с 2005 г. по 2016 г. на

рассмотрение Государственной Думы в среднем вносилось не менее 1000 законопроектов в течение года, в 2014 г. было внесено 1770 законопроектов [7].

При этом количество вносимых Правительством РФ законопроектов в период с 2005 г. по 2010 г. стабильно возрастало и увеличилось со 150 до 200 в год. В 2014 г. число законодательных инициатив Правительства РФ превысило 300 и достигло исторического максимума, впоследствии число законодательных инициатив снизилось до 200 к 2016 г. [8]. Таким образом, доля правительственных законопроектов в РФ стабильно составляет в районе 16-20% от общего числа законодательных инициатив.

Однако на наш взгляд, с приведенной позицией о минимальной роли парламентариев вряд ли можно согласиться, так как право законодательной инициативы депутатов Государственной Думы является важной гарантией дееспособности законодательного (представительного) органа. Следует согласиться с мнением С.А. Лихачева в том, что лишение депутатов Государственной Думы права законодательной инициативы может обернуться падением его роли, установлением зависимости от Президента РФ и Правительства РФ [3, с. 91].

Вместе с тем не лишен смысла компромиссный подход, при котором право законодательной инициативы в целом сохраняется за депутатами, однако реализуется посредством системы фракционных или иных фильтров, когда до вынесения законопроекта на рассмотрение Государственной Думы таковой должен получить одобрение соответствующей фракции или депутатской группы. Данный подход позволяет существенно снизить нагрузку на законодательный орган путем отсеечения заведомо бесперспективных и непопулярных законопроектов, что не лишено смысла с учетом того, что одновременная реализация права законодательной инициативы всеми 450 депутатами фактически парализовала бы работу законодательного органа ввиду объективной перегрузки.

Стоит отметить, что анализ зарубежного парламентского права не дает однозначного ответа на вопрос о целесообразности наделения правом законодательной инициативы каждого депутата. В одних странах такое право предоставляется каждому члену парламента (США, Великобритания, Мексика и многие иные), в других – только группам депутатов (в Венесуэле – 3 депутата, в Польше – 15, в ФРГ – 5% депутатов Бундестага, что составляет 31 депутат, в Королевстве Таиланд – не менее одной десятой от общего числа депутатов палаты представителей и такого же числа сенаторов).

Ввиду этого идея наделения правом законодательной инициативы не каждого депутата в отдельности, а определенной депутатской группы не является чуждой для зарубежного парламентского законодательства стран континентальной правовой семьи и не рассматривается как существенное ограничение свободы деятельности парламентариев.

Собственно, элементы такой концепции имеют место в российском законодательстве уже сегодня: законопроекты включаются в работу Государственной Думы только после одобрения таковых Советом Государственной Думы [1]. Вместе с тем данный орган является межфракционным, в то время как внутрифракционный отбор законопроектов юридически не закреплен. В этой связи вопрос о замене в числе субъектов права законодательной инициативы отдельных депутатов на фракции и депутатские группы представляется не лишенным смысла. Это можно сказать и о необходимости согласованного осуществления права законодательной инициативы членами Совета Федерации от одного субъекта РФ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научного проекта № 16-13-34025.

Список литературы

1. Регламент Государственной Думы РФ, утвержденный Постановлением Государственной Думы РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД «О регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 16 февраля 1998 г. № 7. Ст. 801.
2. Гребенников В.В. Федеральный законодательный процесс в зеркале статистики // Государство и право, 1998. № 9. С. 91-97.
3. Лихачев С.А. Проблемы реализации депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации права законодательной инициативы // Вестник Московского университета. Серия 11. Право, 2012. № 3. С. 89-100.
4. Лихобабин В.А. Правительство как субъект права законодательной инициативы: российская модель и мировой опыт // Конституционное и муниципальное право, 2005. № 7. С. 21-24.
5. Окулич И.П., Заварухин А.Ю. Субъекты законодательной инициативы в Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Уральский регион, 2011. № 2. С. 3-10.
6. Ву Куанг Хуан. Монография: Механизм законотворчества во Вьетнаме: роль центральных органов исполнительной власти. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. 271 с.
7. Статистика законодательного процесса за 2017 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/legislative/statistics/> (дата обращения: 24.04.2017).
8. Итоги 2015 года: законодательный процесс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/itogi-2015-goda-zakonodatelnyj-protsess/> (дата обращения: 24.04.2017).

УЧАСТИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Сторожева Е.С.

*Сторожева Елена Сергеевна – магистрант,
кафедра конституционного и муниципального права,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград*

Аннотация: в статье анализируется роль Президента РФ в осуществлении законодательного процесса Государственной Думой Федерального Собрания РФ. Рассматриваются полномочия Президента РФ, связанные с осуществлением права законодательной инициативы.

Ключевые слова: Государственная Дума, законодательная инициатива, законопроект, законотворческий процесс, парламент, Президент РФ, федеральный закон.

Законотворческий процесс в Российской Федерации представляет собой сложную многоэтапную деятельность, в которой принимает участие множество различных субъектов. Первоначальным этапом данной парламентской процедуры принято считать стадию реализации права законодательной инициативы. Вопрос о судьбе внесенного в представительный орган законопроекта во многом определяется тем, кто именно выступил его инициатором, насколько велик его политический или административный вес в системе государственной власти.

В этой связи особого внимания исследователей заслуживает институт участия Президента РФ в законотворческом процессе, поскольку указанный субъект традиционно

выступает ключевым звеном действующего государственного аппарата, что позволяет ему оказывать заметное влияние на деятельность законодательной власти.

Президент в соответствии с Конституцией является главой российского государства. Как показывает исторический опыт, главу государства принято относить к классическим субъектам права законодательной инициативы [8, с. 568-569; 5, с. 27-28]. В.Е. Чиркин считает, что право президента непосредственно выносить проекты законов во Франции и ряде франкоязычных стран юридически обосновывается положением президента как представителя государства в целом [9, с. 184-185]. Вместе с тем Г.В. Минх отмечает, что в большинстве современных форм правления, в том числе президентских и смешанных республиках, законодательная инициатива главы государства формально отсутствует, что говорит об определенном уменьшении политического веса этого полномочия [7, с. 92].

Одним из конституционных полномочий Президент РФ является право законодательной инициативы по любым вопросам. К его полномочиям относится инициирование принятия федеральных законов и федеральных конституционных законов, а также законов о внесении изменений в Конституцию РФ. Именно посредством законодательной инициативы во многом реализуется право Президента РФ определять основные направления внутренней и внешней политики (ч. 3 ст. 80 Конституции РФ).

Вместе с тем по ряду вопросов Президент наделен исключительным правом законодательной инициативы: только он может внести на рассмотрение Федерального Собрания проект федерального конституционного закона об образовании в составе РФ нового субъекта [1].

Кроме того, как справедливо отмечает С.В. Бошно, в ряде случаев законодательная инициатива предстает в качестве не права, а обязанности уполномоченных субъектов (полномочия), в том числе и Президента РФ [4, с. 166]. Так, подписание Президентом РФ договора о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта РФ порождает его обязанность внести в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проект федерального закона об утверждении данного договора.

Такая же обязанность Президента РФ при подписании международных соглашений следует и из п. 1 ст. 16 Федерального закона от 15 июля 1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». Кроме того, в качестве специфического полномочия Президента РФ в рамках правовых позиций Конституционного Суда РФ рассматривается и право законодательной инициативы по вопросу принятия федерального закона о роспуске законодательного (представительного) органа субъекта РФ [10].

Как следует из анализа правомочий субъектов права законодательной инициативы, основными элементами правового содержания законодательной инициативы являются:

- а) право разработки текста законопроекта;
- б) право внесения законопроекта в Государственную Думу;
- в) право участия в обсуждении и рассмотрении своей законодательной инициативы, а также законодательных инициатив иных субъектов;
- г) обязанность Государственной Думы рассмотреть законодательную инициативу Президента РФ;
- д) обязанность Президента РФ соблюдать определенные конституционно-правовые требования при внесении законодательной инициативы и рассмотрении ее в Федеральном Собрании [6, с. 53].

Формально законодательная инициатива Президента РФ рассматривается парламентом на общих основаниях. Ранее в Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ существовало положение о первоочередном порядке рассмотрения законопроектов, внесенных Президентом РФ. В настоящий момент данные положений в Регламенте Государственной Думы отсутствуют,

очередность рассмотрения законопроектов Президента РФ определяется по решению самой палаты [2].

Вместе с тем действующие законодательные процедуры обеих палат российского парламента предоставляют полномочным представителям Президента РФ беспрецедентно широкие права по сравнению с иными участниками правотворческого процесса. Президент РФ информируется обо всех стадиях прохождения законопроекта в рамках чтений, а его полномочные представители в законодательных органах всегда наделены правом выступления при участии в обсуждениях. Особо велика роль Президента РФ в процедуре урегулирования разногласий, возникших при повторном рассмотрении Государственной Думой и Советом Федерации законопроекта, на который главой государства было наложено вето.

Как следует из анализа положений гл. 14 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ, на данном этапе Президент РФ обладает полномочиями по предложению собственной редакции отклоненного законопроекта, а также правом на участие посредством своего полномочного представителя в работе специальной согласительной комиссии, задачей которой достижение компромисса по разногласиям между главой государства и законодательными органами, возникшими при подписании законопроекта.

В случае преодоления вето Государственной Думой Президент РФ также вправе изложить свою позицию о недостатках законопроекта непосредственно Совету Федерации [3]. Реализация данных полномочий может существенным образом повлиять на содержание законодательных актов, принимаемых парламентом страны.

Таким образом, Президент РФ обладает широкими полномочиями по участию в работе законодательных органов, которые во много реализуются посредством реализации права законодательной инициативы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научного проекта № 16-13-34025.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».
2. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 16 февраля 1998 г. № 7. Ст. 801.
3. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30 января 2002 № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 18 февраля 2002 г. № 7. Ст. 635.
4. Бошно С.В. Законодательная инициатива: внесение законопроектов в Государственную Думу // Право и образование, 2004. № 2. С. 152-169.
5. Кутафин О.Е. Глава государства: монография. М.: Проспект, 2013. 560 с.
6. Мазаев В.Д., Минх Г.В. Законодательная инициатива как инструмент реализации конституционных полномочий Президента Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право, 2013. № 1. С. 50-55.
7. Минх Г.В. Законодательная инициатива Президента Российской Федерации как конституционно-правовой институт // Журнал российского права, 2016. № 1. С. 89-99.
8. Сравнительное конституционное право. М.: Манускрипт, 1996. 730 с.

9. Чиркин В.Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование. М.: Норма, 2012. 240 с.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ, 15 апреля 2002 г. № 15. Ст. 1497.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Свирид А.В.

*Свирид Анастасия Владимировна – магистрант,
кафедра конституционного права,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь*

Аннотация: в статье анализируются отдельные направления реформирования избирательного законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: выборы, избирательное право, отзыв депутата.

Необходимость совершенствования избирательного законодательства назрела давно. Последние значительные изменения в Избирательный кодекс были внесены Законом Республики Беларусь № 72-З от 25 ноября 2013 года. Однако прошедшие выборы Президента Республики Беларусь в 2015 году и выборы депутатов Национального собрания Республики Беларусь 2016 года показали, что процесс реформирования избирательного законодательства не завершен и нуждается в коренных преобразованиях.

В науке конституционного права с момента принятия Избирательного кодекса Республики Беларусь высказывались мнения о реформировании процедуры отзыва депутатов.

Процедура отзыва депутатов, предусмотренная в нашей стране, настолько усложнена, что можно согласиться с М.В. Баглаем, который определял отзыв депутата как «громоздкий и редко применяемый на практике институт» [1, с. 6].

Процедура отзыва депутата состоит из четырех стадий, включающих одиннадцать этапов:

- стадия возбуждения вопроса об отзыве депутата
- стадия назначения голосования;
- стадия голосования;
- стадия принятия решения об отзыве депутата.

Для упрощения процедуры отзыва депутатов с целью повышения эффективности ее реализации целесообразным была бы ликвидация в качестве обязательных некоторых этапов первой стадии. Например, этап инициирования вопроса о созыве собрания избирателей по месту жительства.

В соответствии с Законом «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» исполнительные комитеты имеют право распоряжаться коммунальной собственностью административно-территориальной единицы [2]. Именно исполнительные и распорядительные органы, в случае обращения к ним граждан с просьбой о содействии в созыве собрания избирателей по месту жительства должны, по нашему мнению, решать вопрос о дате, времени и месте проведения собрания избирателей в порядке, предусмотренном законодательством для проведения массовых мероприятий.

Также необходимо расширить круг субъектов имеющих право инициировать отзыв депутатов, включив в него политические партии и трудовые коллективы, которые выдвигали их кандидатами.

Политическая партия, выдвигавшая кандидата в депутаты, заинтересована в его активной эффективной работе в представительном органе, поэтому она должна иметь возможность возбуждать вопрос об отзыве этого депутата в случае невыполнения им своих депутатских обязанностей. Для предотвращения возможности злоупотреблений, на основе предоставленного партии подобного права, например, в случае, если политическая партия захочет «избавиться» от политического противника, работающего в представительном органе или просто привлечь к себе даже кратковременное внимание общественности, что в конечном итоге может повлиять на итоги следующих выборов необходимо предусмотреть определенные гарантии. К таким гарантиям можно отнести возможность возбуждения вопроса об отзыве только того депутата, который выдвигался этой политической партией в качестве кандидата в депутаты, в противном же случае инициировать вопрос могут только граждане-избиратели.

В последнее время в Республике Беларусь все чаще поднимается вопрос о формировании электронного регистра избирателей. Подобные регистры избирателей, на сегодняшний день, существуют не только в странах Западной Европы, но и в некоторых странах СНГ, например, России, Украине, Молдове и др. Создание электронного регистра избирателей не только существенно снижает затратный механизм составления списков избирателей в финансовом плане, но и упрощает процедуру формирования списков избирателей, сокращает временные рамки данной процедуры, что, безусловно, можно отнести к положительным моментам.

Назрел вопрос реформирования не только избирательного законодательства в соответствии с рекомендациями БДИПЧ ОБСЕ, но и реформирование всей избирательной системы в связи с развитием в Республике Беларусь многопартийности и более активным включением политических партий в политическую жизнь общества и, возможно, в дальнейшем переход на смешанную, пропорционально-мажоритарную избирательную систему.

Полагаем необходимым изменить процедуру досрочного голосования, так как на этой стадии могут происходить попытки исказить результаты. Возможно, следует рассмотреть варианты голосования по почте, голосования по доверенности, голосования по средствам сети интернет.

Избирательный кодекс Республики Беларусь необходимо дополнить существенными процессуальными гарантиями, которые обеспечат целостность и прозрачность всех стадий избирательного процесса.

С целью усиления инклюзивности и прозрачности Избирательный кодекс должен содержать четкие и разумные критерии и механизмы для регистрации кандидатов. Незначительные неточности в декларациях кандидатов не должны приводить к автоматической дисквалификации, а кандидатам должна предоставляться возможность исправить незначительные или технические ошибки в своих заявлениях на регистрацию.

Одной из проблем избирательного законодательства является его совершенствование в плане принятых международно-правовых документов.

Республика Беларусь с уважением и почтением относится к международным договорам и актам, активно идет по пути отражения в национальном законодательстве международных избирательных стандартов, однако ряд ключевых рекомендаций БДИПЧ ОБСЕ и Венецианской комиссии Совета Европы остаются невыполненными.

Учитывая рекомендации Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии), нецелесообразно вносить изменения в избирательное законодательство менее чем за год до выборов. Ближайшие выборы в Республике Беларусь, местных Советов депутатов, пройдут в 2018 году, поэтому сейчас, вопрос изменения избирательного законодательства является актуальным.

Список литературы

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации / М.В. Баглай. М., 1997. 784 с.
2. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 108-З с изм. и доп. от 04.01.2016 № 348-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Хоружий В.В.

*Хоружий Владимир Валерьевич – студент,
юридический факультет,*

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар

Аннотация: в статье рассматриваются основные тенденции развития института президентства, сущностные характеристики правового статуса Президента.

Ключевые слова: организационно-правовой статус Президента, институт президентства, Конституция РФ, российская государственность, власть.

Институт президентства в Российской Федерации является сравнительно молодым, но за время своего существования он уже не раз модифицировался, что оказало значительное влияние на все происходящие в государстве процессы.

В России значение президентской власти огромно. Президент РФ как влиятельнейшая фигура в жизни страны, занимает особое место в системе органов государственной власти, являясь «лицом» государства. Именно от него, как правило, зависят проводимые в стране реформы и преобразования. Роль, занимаемая институтом президентства в жизни страны, позволяет сделать вывод, что от развития данного института во многом зависит судьба всей российской государственности.

В связи с создавшимся политическим и экономическим кризисом в России начала 90-х гг. XX века введение института президентства стало жизненной необходимостью. Это было логическим завершением процесса трансформации политической власти из системы партийных органов и организаций в систему государственных органов и организаций, включая институт президентства. Вследствие перестроения государственной системы встала необходимость принятия новой Конституции, по которой Президент стал главой государства, его лицом [1, с. 31]. Принятие Конституции стало началом истории нового государства - Российской Федерации.

Российскому институту президентства исполнилось уже 26 лет. Президентский пост был введен в России, в соответствии с решением всенародного референдума 17 марта 1991 г. В 2008 г. впервые за 15 лет с момента принятия действующей Конституции РФ 1993 г. в нее были быстро и без каких-либо прений внесены поправки, увеличившие срок легислатуры Президента с 4 до 6 лет и установившие подотчетность Правительства Государственной Думе. Особый организационно-правовой статус, prerogatives и полномочия Президента не позволяют полностью и безоговорочно отнести этот институт к какой-либо одной ветви власти, он явно и зримо возвышается над всеми ветвями власти, стоит как бы над ними, но при этом имеет серьезное и непосредственное отношение к тем или иным вопросам организации и функционирования каждой из них. «Получая свои полномочия от

народа на основе всеобщих, равных и прямых выборов, он не подчинен никаким органам власти и не должен отчитываться перед ними. Ответственность за свою политику он несет перед народом» [2, с. 134].

После принятия Конституции роль президента в области государственной власти увеличивается, так как специфической особенностью российской концепции президентства является то, что она включает в себе аналог «просвещенного абсолюта» и основана на единстве понимания власти. Суть российского президентства - «сильная» личная власть, самодержавие, авторитарные начала. Основной тенденцией на протяжении всего существования института президентства вплоть до сегодняшнего дня являлась централизация в управлении государством, при этом максимально проявлялась сущность данного института. Сохраняющийся достаточно высокий уровень поддержки со стороны граждан свидетельствует о закономерности и органичности для России сильной единой центральной власти в ее персонализированном восприятии [3, с. 284 - 287].

Говоря сегодня о тенденциях развития института президентства, нельзя не заметить динамичный рост роли Президента во всех сферах жизни государства и общества. Фигура «сильного» Президента сегодня, и это факт, с которым нужно считаться, находит поддержку у большинства населения в силу ментальных особенностей, ценностных представлений о справедливости власти и о тех действиях, которые эту справедливость воплощают в жизнь. Однако «сильный» Президент не отменяет и не заменяет остальных институтов в их полноценном виде.

Итак, несмотря на то, что институт президентства в России является сравнительно молодым, он развивается очень динамично. С принятием Конституции развитие института президентства не остановилось, а, напротив, значение его в управлении государством растёт и по сей день. Законодательство, касающееся конституционно-правового статуса Президента РФ, расширяется. По мнению некоторых авторов, есть возможность перехода России к президентской республике, ведь многовековая история доказывает, что граждане нашей страны привыкли видеть у «руля» государства сильную личность, способную к проявлению власти в нужную минуту.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (с гимном России). М.: Проспект, 2017. 64 с.
2. *Садовникова Г.Д.* Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). М.: Издательство Юрайт, 2011. 219 с.
3. *Червонюк В.И.* Конституционное право России. М.: Инфра-М, 2004. 432 с.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ГРАНИЦ РЫНКА В ЦЕЛЯХ АНТИМОНОПОЛЬНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВ

Кассирова Т.М.

*Кассирова Татьяна Михайловна - юрист,
частная практика,
г. Москва*

Аннотация: в статье рассмотрены методики определения географических границ товарных рынков для целей антимонопольного законодательства, в частности злоупотребления доминирующим положением на товарном рынке, а также анализ соответствующей правоприменительной практики.

Ключевые слова: товарный рынок, доминирующее положение, географические границы, антимонопольное законодательство.

Злоупотребления доминирующим положением на товарном рынке как форма монополистических действий являются наиболее распространенным нарушением антимонопольного законодательства на протяжении всего периода его существования. Перечень действий, признающихся злоупотреблением в соответствии с российским законодательством, перечислены в статье 10 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – «Закон о защите конкуренции»).

Согласно данной статье «запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта, результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц» [1]. Данное правило применяется в отношении обращения товаров на определенном рынке. Данный запрет, предусмотренный статьей 10 Закона о защите конкуренции, построен на презумпции обязательного доказательства наличия у субъекта доминирующего положения для принятия решений о квалификации соответствующего нарушения.

Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утвержденный Федеральной антимонопольной службой России [2] (далее – «Порядок»), отмечает, что «без проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке доминирующим признается положение хозяйствующего субъекта – субъекта естественной монополии». Соответственно, при всех случаях рассмотрения дел, связанных со злоупотреблением доминирующим положением, антимонопольный орган обязательно должен провести исследование рынка.

В последние годы стороны все чаще стали пользоваться возможностью в судебном порядке пересмотреть результаты проведенного антимонопольным органом исследования границ рынка, состояния, структуры товарного рынка и, соответственно, оценку наличия/отсутствия доминирующего положения. Методология и экономико-теоретические вопросы анализа рынка, которые являются базовым основанием для признания наличия доминирующего положения хозяйствующим субъектом и принятия решений о возможной квалификации нарушений по статье 10-ФЗ о защите конкуренции, все чаще попадают в сферу теоретико-исследовательских дискуссий и судебных разбирательств.

Антимонопольный орган осуществляет проведение анализа состояния конкуренции на товарном рынке и доказательство наличия доминирующего положения на основе существующего Порядка, содержащего ряд последовательных и доказательно мотивированных этапов и процедур, в т.ч. определение временного интервала исследования товарного рынка, продуктовых и географических границ, состава хозяйствующих субъектов, действующих на товарном рынке, расчет объема товарного рынка и долей субъектов на рынке [3]. При определении товарного рынка чрезвычайно важно установить его географические границы, которые могут существенно отличаться в зависимости от разных факторов, в первую очередь, от самого товара. Согласно определениям ФЗ о защите конкуренции, товарным рынком признается сфера обращения товара (в том числе товара иностранного производства), который не может быть заменен другим товаром, или взаимозаменяемых товаров (далее - определенный товар), в границах которой (в том числе географических) исходя из экономической, технической или иной возможности либо целесообразности приобретатель может приобрести товар, и такая возможность либо целесообразность отсутствует за ее пределами [4].

Ошибки при установлении таких границ чаще всего определяются с институциональными ограничениями – отсутствием разъяснений, касающихся особенностей определения товаров в Порядке, а с другой – с недостаточной компетенцией специалистов в знании особой природы того или иного товара, а также экономико-технологическом описании релевантного товарного рынка в целях антимонопольного контроля. Существенной методологической ошибкой при доказывании наличия факта доминирования при анализе рынка является смешение рынков, смешение географических границ, установление слишком широких или же слишком узких границ. Именно поэтому стороны все чаще привлекают специалистов для всестороннего исследования того или иного товарного рынка, чтобы в судебном порядке пересмотреть установленные антимонопольным органом географические границы. Судя по анализу последней судебной практики, количество отмененных решений антимонопольных органов в связи с изначально неправильным установлением последним географических границ товарного рынка, что впоследствии привело к неправомерному установлению факта злоупотребления доминирующим положением, существенно возросло в последние годы. В качестве яркого примера можно назвать установление географических границ рынка в пределах привокзальной площади [5].

Таким образом, мы видим сложность в установлении географических границ рынков. Неверные методологические допущения и некомпетентно проведенный анализ товарного рынка оказывают ключевое влияние на ошибки в определении релевантного рынка и, как следствие, доли субъектов на нем, что приводит к искаженным выводам о наличии доминирования.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) «О защите конкуренции». [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 16.05.2017).
2. Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке: утв. Приказом ФАС России от 28.04.2010 № 220 (в ред. от 30.01.2015). [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=176070/> (дата обращения: 16.05.2017).
3. Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке: утв. Приказом ФАС России от 28.04.2010 № 220. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103446/ (дата обращения: 16.05.2017).

4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) «О защите конкуренции».
5. Постановление двадцать первого арбитражного апелляционного суда Севастополя от 12 апреля 2016 года по Делу № А83-2757/2015.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АЛИМЕНТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Найдовская А.С.

*Найдовская Алёна Сергеевна – бакалавр юриспруденции,
Волгоградский институт управления (филиал)
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Волгоград*

Аннотация: в статье анализируются направления совершенствования алиментного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: анализ, совершенствование, семейное право, алименты, законодательство.

В соответствии со статьей 7 Конституции Российской Федерации Россия провозглашена социальным государством, в котором гарантируется достойная жизнь для всех граждан. В соответствии с данным положением Конституции государство должно взять на себя заботу о благосостоянии своих граждан, при этом особое внимание, уделяя наименее не защищенным слоям общества, которые не имеют возможности самостоятельно обеспечить себе достойный образ жизни. Это и несовершеннолетние дети, и инвалиды, и пенсионеры, и иные нетрудоспособные лица. Но, к сожалению, экономика даже в самом развитом в социально-экономическом плане государстве не сможет выдержать бремени обеспечения всего нетрудоспособного населения. Поэтому многие государства установили принцип социальной ответственности, в соответствии с которым, бремя заботы о благосостоянии нетрудоспособных граждан ложится на трудоспособных членов их семей.

Семья признается государством, как одна из главных ценностей общества, поскольку именно наличие брачных отношений запускает механизм социальных гарантий, которые, в свою очередь, направляются на улучшение общего благосостояния семьи. Данное благосостояние сказывается и на вторичных целях всех социальных реформ, таких, как экономический рост, повышение рождаемости, укрепление брака и семьи. Исполнение алиментных обязательств – это социальный механизм, который приходит в действие при распаде семьи.

Одна из самых социально-ориентированных сфер семейно-правового регулирования является алиментная сфера. Статус России, как социально-ориентированного государства зависит от обеспечения прав и интересов граждан, то есть алиментополучателей.

На сегодняшний день ряд положений алиментного законодательства требует совершенствования.

Хотелось бы обратить внимание на необходимость создания действенных механизмов взыскания алиментов, установления реального минимума из которого возможно исчислять сумму алиментов, решения вопросов о воздействии на злостных неплательщиков алиментов с целью надлежащего обеспечения социально незащищенных слоев населения, прежде всего детей, будущее нашей страны, стариков и инвалидов.

Необходимо проработать общие теоретические положения об алиментах, ввиду того, что некоторые из них трактуются спорно, некоторые же не отражены в современной литературе.

1. Нет определенного места в системе договоров у алиментного соглашения. Алиментное соглашение является специфическим договором, имеющим свои уникальные черты. Необоснованно отсутствует в Семейном кодексе дефиниция алиментного соглашения. Алиментное соглашение закрепляет и конкретизирует права и обязанности, установленные СК РФ, а не порождает их, как в иных гражданско-правовых договорах. Для алиментного соглашения нехарактерен принцип свободы договора, что является важнейшим принципом договорного права, который закреплен в ст. 421 ГК РФ.

2. Субъектный состав алиментного соглашения вызывает споры и остается открытым. Часть авторов (Н.Ф. Звенигородская, О.А. Кабышев, О.Ю. Косова) считают, что участниками алиментного соглашения могут являться только лица, которые императивно определены законом в роли потенциальных плательщиков или же получателей алиментов. Иные авторы (М.В. Антокольская, Л.М. Пчелинцева, Е.А. Чефранова, Л.Н. Завадская) убеждены, что участниками алиментных соглашений могут стать любые лица, которые даже не входят в круг, определенный законом. На первый взгляд, вторая позиция представляется более удобной, но в реальности она способствует размытию таких понятий, как «алиментное соглашение», «договор о содержании». Алиментное соглашение, которое оформляется нотариально, присуща сила исполнительного листа (п. 2 ст. 100 СК РФ), это делает соглашение значительно в большей степени отвечающим интересам получателя алиментов, чем иные договоры аналогичного характера.

3. Субъекты, которым предоставлено право обращаться в суд с алиментными требованиями. В соответствии со ст. 106 СК РФ такую возможность законодатель предусматривает для взыскателя алиментов. Необходимо признать за плательщиком алиментов право на обращение в суд для определения объема его алиментных обязательств. Это право основано на п. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, в соответствии с вышеуказанной статьей каждому гарантируется судебная защита прав и свобод. В соответствии со ст. 3 ГПК РФ заинтересованное лицо вправе обратиться в суд для защиты своих законных интересов, нарушенных или оспариваемых прав. Семейный кодекс не представляет возможность несовершеннолетнему лицу самостоятельно обращаться в суд с требованием выплат алиментных платежей. Но в соответствии с п. 4 ст. 37 ГПК РФ и ст. 51 Федерального закона от 2 октября 2007 г. «Об исполнительном производстве» несовершеннолетние рассматриваются, как потенциальные участники процессуальных и исполнительных правоотношений. В семейном кодексе необходимо проработать данный вопрос.

Алиментные обязательства членов семьи могут строиться добровольно и принудительно. Законодательство императивно определяет размер алиментов, которые взыскиваются на несовершеннолетних детей. В этой сфере присутствуют спорные вопросы.

1. В соответствии со ст. 81 СК РФ закреплен размер алиментов на несовершеннолетних детей, но не указаны обстоятельства, которые могут влиять на изменение размера долей заработка плательщика алиментов. Необходимо внести примерный открытый перечень обстоятельств, таких, как: инвалидность, несоответствие официального заработка плательщика и его уровню жизни и др.

2. Спорным представляется положение об утрате полностью дееспособными несовершеннолетними детьми права на алименты (п. 2 ст. 120 СК РФ, п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда от 25 октября 1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов»). Лишение эмансипированного несовершеннолетнего алиментных платежей представляется необоснованным,

поскольку ранняя трудовая деятельность свидетельствует о материальных трудностях. При вступлении в ранний брак проблема сохраняется. Рассматривая эту проблему с другой стороны, необходимо обратить внимание на точный смысл ст. 87 СК РФ. Только совершеннолетние дети платят алименты родителям. Эмансипированного несовершеннолетнего, даже если он обеспеченный, нельзя обязать платить алименты нуждающимся нетрудоспособным родителям. Это правило сохраняется и в том случае, когда родители не могут получить помощь от иных лиц. К дополнительным расходам привлечь эмансипированных несовершеннолетних также невозможно. В соответствии со ст. 88 СК РФ эта обязанность может быть возложена только на совершеннолетних детей. Необходимо дополнить статьи Семейного кодекса словами «в интересах ребенка суд может обязать родителя содержать ребенка до его совершеннолетия». Дополнить необходимо ст. 87, 88, 120 СК РФ. Должно происходить ситуативное регулирование и более подробно рассматриваться каждая ситуация. Суд мог бы обязать родителей продолжать выплаты при некоторых условиях. Например, если эмансипированный ребенок одновременно учится и работает. Продолжать выплату алиментов ребенку, который вступил в ранний брак, если в семье рождаются близнецы.

3. Необходимо рассмотреть вопрос об алиментных правах родителей, которые установили отцовство в отношении совершеннолетних детей. В соответствии с законодательством (п. 1 ст. 87 СК РФ), совершеннолетние будут обязаны содержать нетрудоспособных нуждающихся родителей. Вопрос необходимо решать, опираясь на мотивы установления отцовства. Если отцовство устанавливается специально, для получения выгоды, необходимо отрицательное решение. Если же установить отцовство ранее не было возможности, отец мог не знать о ребенке, мать могла скрывать факт его рождения, или же отец стремился к установлению связи с ребенком, но мать всячески препятствовала, то вопрос необходимо решать положительно.

Законодательные нормы об алиментных отношениях супругов и бывших супругов нуждаются в проработке и корректировании. Алиментные отношения в данном случае не являются безусловными, они отличаются от алиментных отношений между родителями и детьми. Право на алименты может возникнуть только при нетрудоспособности, нуждаемости, и иных событиях в жизни потенциального получателя. Судебная практика показывает, что к алиментам супругов и бывших супругов суды относятся формально и во многих случаях назначаются минимальные суммы алиментов.

1. Необходимо проработать ст. 90 и 91 СК РФ, добавив положение о минимальном размере выплат супругу или бывшему супругу, привязав его к прожиточному минимуму.

2. Во многих статьях Семейного кодекса отражен принцип равенства супругов, но из данного принципа находится много исключений. [8, с. 28-31]. Исправить формулировку п. 2 ст. 89 и п. 1 ст. 90 СК РФ. Данные статьи предусматривают только право жены и бывшей жены на алименты в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка. Право на получение алиментов в данном случае не зависит от трудоспособности или нуждаемости женщины. Право обусловлено особым состоянием женщины в данный период. В период раннего становления ребенка предпочтительнее родительский уход, чем помещение ребенка в детское учреждение или воспитание его няней. Государством должно поощряться оставление работы для осуществления подобного ухода за ребенком. Мать, вынашивающая и ухаживающая за ребенком, имеет право на получение алиментов от отца ребенка. Но это положение существенно нарушает права отцов, которые остаются в этот период с ребенком, и воспитывают и содержат ребенка в первые три года его жизни. В соответствии с Конституцией Российской Федерации оба родителя должны нести бремя по содержанию ребенка в равной степени. Семейный кодекс придерживается такой же

позиции по данному вопросу, обязанность содержать несовершеннолетних детей возложена в равной степени и на мать, и на отца. [2, с. 125-131]. Законодатель подразумевает правовое равенство супругов. Н.В. Соловьева утверждает, что в той ситуации, в которой дети проживают в специальных учреждениях для детей, которые остались без попечения родителей, обязанность платить алименты законодатель возлагает на отца и мать. [6, с. 10-12].

3. В Российской Федерации отсутствует практика «реабилитирующих алиментов». Они позволяют супругу (в большинстве случаев это женщина), после развода проходить социальную реабилитацию. Семейный кодекс не предусматривает возникновение права на подобные алименты в случае, когда женщина посвящает себя семье, воспитанию детей, в ущерб своей карьере. Необходимо обратить внимание на опыт иностранных государств в этом вопросе. Исключение содержится в ст. 90, женщина может рассчитывать на материальную поддержку, если ситуация подходит к списку данной статьи. [5, с. 11-14].

4. В последнее время уделяют большое внимание вопросам семейных отношений с иностранным элементом. Остро стоит вопрос об алиментных отношениях, о проблемах взыскания алиментов за границей. Существует ряд международных универсальных договоров, регулирующих алиментные обязательства, их признание и исполнение.

- Нью-Йоркская конвенция ООН от 20 июня 1956 г. о взыскании алиментов за границей (вступила в силу 25 мая 1957 г., открыта для подписания с 20 июня 1956 г.);

- Гагская конвенция от 24 октября 1956 г. о праве, применимом к алиментным обязательствам в отношении детей (принята на Восьмой сессии Гагской конференции, вступила в силу 1 января 1962 г.);

- Гагская конвенция от 15 апреля 1958 г. о признании и исполнении решений по делам об алиментных обязательствах в отношении детей (вступила в силу 1 января 1962 г.);

- Гагская конвенция от 2 октября 1973 г. о признании и исполнении решений по делам об алиментных обязательствах (одобрена на Двенадцатой сессии Гагской конференции, вступила в силу 1 октября 1977 г.);

- Гагская конвенция от 2 октября 1973 г. о праве, применимом к алиментным обязательствам (одобрена на Двенадцатой сессии Гагской конференции (1972 г.), вступила в силу 1 октября 1977 г.). [1, с. 56-65].

Россия не участвует в вышеуказанных международных договорах. В этой области урегулированы отношения между Россией и странами – участницами СНГ, которые являются участницами Модельного закона СНГ – Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (Минская конвенция). [4]. В соответствии с данной Конвенцией решения судов государств-участниц, признаются в государствах, которые подписали договор и рассматриваются в целях принудительного исполнения. Положения данной Конвенции были отражены в новой Конвенции, которая имеет такое же название, но подписана в Кишиневе 7 октября 2002 г. [3].

Практика показывает, что наличие международных договоров не может гарантировать положительный итог дел по взысканию алиментов с граждан, являющихся должниками и проживающих на территории других государств. В настоящее время действуют международные договоры о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам с Грецией, Литвой, Китаем, Монголией, Албанией, Югославией, Албанией и другими государствами.

Алиментные отношения других членов семьи. Это братья и сестры, бабушки, дедушки и внуки, отчимы, пасынки, падчерицы и мачехи, фактические воспитатели и воспитанники. При недостаточности взыскания или его полной невозможности, взыскатель может получать алименты от второй очереди обязанных лиц.

1. Семейный кодекс возложил обязанность по выплате алиментов на лиц второй очереди, являющихся трудоспособными, исключение представляют бабушки и дедушки. Однако представляется нелогичным исключение нетрудоспособных лиц. Нетрудоспособные лица могут иметь имущество, которое приносит им доход, могут иметь значительные средства, на эти доходы можно было бы обратиться взыскание. В интересах алиментополучателя судам необходимо предоставить право обращаться взыскание и на доходы нетрудоспособных родственников.

Проблема взыскания алиментов. В Семейном кодексе предусматривается возможность добровольной выплаты алиментов и принудительного порядка взыскания. Это соглашение и судебный приказ или решение суда. На практике, при взыскании алиментов, возникает множество проблем.

1. В соответствии со ст. 102 СК РФ у суда есть право признавать алиментные соглашения недействительными, при условии, что соглашение существенно нарушает интересы получателя. В соответствии со ст. 1 СК РФ закон исходит из принципа обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и недееспособных членов семьи.

2. Механизм взыскания алиментов закреплён в Законе «Об исполнительном производстве». Он предусматривает меры влияния на должника, но на практике они не работают и часто неохотно применяются судебными приставами. Часто должники скрывают свой реальный заработок, не имеют постоянного места работы, записывают имущество на близких лиц, и т.д. Положительный эффект может иметь создание единой информационной базы неплательщиков в сети интернет с открытым доступом для всех лиц. Также необходимо создать Государственный алиментный фонд, который будет заниматься поддержкой детей, родители которых уклоняются от выплаты алиментов, поддержкой родителей, дети которых уклоняются от выплаты алиментов. В дальнейшем проработать порядок регресса, для взыскания потраченных сумм с неплательщиков.

3. Активное использование блокировок банковских карт должников, особенно тех, которые часто выезжают за границу, будет способствовать погашению долга за неуплату алиментов.

4. Внедрять и расширять практику поиска должников через всемирную компьютерную сеть

5. Можно ввести практику списания денежных средств с мобильных телефонов должников, поскольку сейчас стало возможным хранить денежные средства на мобильном телефоне. [7, с. 37-48].

Отсутствие в нашей стране механизма взыскания алиментов с должников, находящихся за границей, позволяет говорить о том, что необходимы присоединение России к многосторонним договорам, действующим в данной сфере, заключение двусторонних договоров с государствами, с которыми отсутствуют соответствующие соглашения, а также разработка правовых рычагов, с помощью которых будет реальной возможность исполнения судебных решений о взыскании алиментов на территории иностранных государств.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости совершенствовании норм об алиментных отношениях членов семьи, что сделало бы их более совершенными и отвечающими потребностям гражданского оборота в современном обществе.

Список литературы

1. Долинская В.В., Долинская Л.М. Проблемы взыскания алиментов с должников, находящихся за пределами России // Законы России: опыт, анализ, практика, 2013. № 11. С. 56-65.

2. *Ибрагимова Н.Ш.* Особенности правового регулирования института алиментных обязательств в семейном праве Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал, 2013. № 2. С. 125-131.
3. Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1161/ (дата обращения: 15.05.2017).
4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1064/ (дата обращения: 15.05.2017).
5. *Макеева О.А.* Актуальные направления реформирования алиментного законодательства России // Семейное и жилищное право, 2012. № 2. С. 11-14.
6. *Соловьева Н.В.* Правовое регулирование алиментных обязательств в РФ // Исполнительное право, 2010. № 2. С. 10-12.
7. *Хверость Т.Ю.* Проблемные вопросы принудительного взыскания алиментов с должников, находящихся на территории иностранных государств // Практика исполнительного производства, 2012. № 6. С. 37-48.
8. *Шершень Т.В.* Принцип равенства прав супругов: генезис и некоторые проблемы его реализации в современном семейном праве России // Российская юстиция, 2010. № 7. С. 28-31.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕДИЦИНСКОГО И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВ: ОГРАНИЧЕНИЯ, ИСКЛЮЧЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Балакирева К.В.

*Балакирева Кристина Владимировна – магистрант,
кафедра международного права, юридический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург*

Аннотация: в статье рассматриваются нормы, ограничивающие взаимодействие врачей и фармацевтических компаний, которые появились в нашем законодательстве несколько лет назад. Анализируются ограничения, налагаемые на фармацевтические компании при их взаимоотношении с медицинскими работниками. Также определены пределы возможного личного общения между ними. В заключении описаны возможные последствия за нарушения этих норм.

Ключевые слова: фармацевтические работники, медицинские работники, ограничение взаимодействия.

УДК 614.251

Регулирование взаимодействия медицинского и фармацевтического сообществ регулируется как федеральными законами, так и кодексами различных международных ассоциаций. К числу первых относится ст. 74 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об Основах), ст. 67.1 ФЗ от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее – Закон об обращении лекарственных средств). К числу вторых относятся Кодекс этичного поведения при взаимодействии с работниками здравоохранения IMEDA (Ассоциация международных производителей медицинских изделий) и Кодекс надлежащей практики AIMP (Ассоциации международных фармацевтических производителей).

В контексте данной статьи под собирательным наименованием «фармацевтические компании» будет определяться как перечень организаций и представителей данных организаций, действующих от их имени, обозначенных в п. 1 ст. 74 Закона об Основах.

Согласно п. 14 ст. 2 Закона об Основах, «фармацевтический работник – это физическое лицо, имеющее фармацевтическое образование, работающее в фармацевтической организации и в трудовые обязанности которого входят оптовая торговля лекарственными средствами, их хранение, перевозка и (или) розничная торговля, изготовление, отпуск, хранение и перевозка» [5].

Пункт 13 ст. 2 Закона об Основах определяет понятие «медицинский работник» как «физическое лицо, имеющее медицинское или иное образование, работающее в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности» [5]. Также сюда относятся физические лица, являющиеся индивидуальными предпринимателями, непосредственно осуществляющими медицинскую деятельность; физические лица, осуществляющие руководство медицинской организацией, в том числе выполняющие функции единоличного исполнительного органа в соответствии с ТК РФ, другими ФЗ и иными нормативно-правовыми актами, учредительными документами юридического лица и локальными нормативными актами.

Революционные для российского фармбизнеса ограничения по взаимодействию фармацевтических компаний с медицинскими и фармацевтическими работниками установлены Законом об Основах и обусловлены, в первую очередь, стремлением к добросовестной конкуренции на фармацевтическом рынке и борьбой с коррупцией.

Основные ограничения, описанные в ст. 67.1 Закона об обращении лекарственных средств заключаются в запрете на денежные средства, подарки, в том числе на оплату развлечений, отдыха, проезда к месту отдыха; участие в развлекательных мероприятиях, проводимых за счёт компаний; заключение соглашений о назначении, рекомендации и предложении пациентам определенных лекарственных средств и медицинских изделий; получение образцов лекарственных средств и изделий для вручения пациентам; осуществление приема представителей компаний [4]. Однако здесь имеются свои исключения.

Исключение относительно запрета денежных средств касается осуществлением медицинским работником педагогической или научной деятельности и проведением клинических исследований лекарственных средств или медицинских изделий. То есть для получения вознаграждения необходимо наличие встречного предоставления услуги, для этого должны быть выполнены следующие условия:

- письменная форма утверждения соглашения работодателем;
- надлежащее документирование выплат;
- справедливая рыночная стоимость услуг.

Допустимо возмещать медработнику разумные и документально подтвержденные расходы, возникающие при осуществлении им вышеуказанных видов деятельности (например, расходы на дорогу, проживание, питание) по возмездному договору. Сторонам рекомендуется подписать акт сдачи-приемки сообществом услуг, сохранять документальное подтверждение расходов (билеты, ваучеры, квитанции). Запрещено возмещать расходы третьих лиц (супруга, ребенка).

К выполнению услуг педагогической деятельности могут привлекаться лишь те медработники, которые являются педагогами (т. е. состоят в трудовых отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняют обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности [7]).

Что касается проведения образовательных мероприятий, то они должны соответствовать определенной тематике, например, информирование о лекарственном средстве или медицинском изделии и/или обеспечение информацией научного или образовательного характера в сфере здравоохранения; подготовка медработников по установке и использованию конкретных изделий для обеспечения их эффективного и безопасного применения (практические занятия с использованием изделий и манекенов, лекции и презентации); медицинские технологии, используемые компаниями. При этом запрещено проведение таких мероприятий в курортных отелях и других рекреационных местах, а также финансирования развлечения, отдыха, чрезмерно дорогого питания, расходов отдельного медработника для участия в образовательном мероприятии.

При проведении клинических исследований лекарственных средств или клинических испытаний медицинских изделий разрешено заключать соглашения об их назначении или рекомендации пациентам; получать образцы для вручения пациентам, осуществлять прием представителей компаний. При этом исключения, разрешающие выплаты, не распространяются на фармработников и руководителей аптечных организаций.

Выписывая лекарство какой-либо компании, врач не имеет права использовать рецептурные бланки с заранее впечатанным наименованием препарата, а также обязан проинформировать пациента, что помимо выписанного препарата в обращении имеются другие аналогичные препараты других фармацевтических компаний (если таковые действительно есть, и врачу о них известно).

В личном общении с медицинскими работниками исключения представлены ниже (Таблица 1). Серым цветом обозначены действия, которые возможны в случае одобрения администрации медицинского учреждения, если такого разрешения нет, то запрещены в силу закона.

Таблица 1. Ограничения в личном общении с медицинскими работниками

Разрешено	Не определено	Запрещено
Мероприятия фармаконадзора	Прием, связанный с образовательным и информационным мероприятием (не участие в нем)	Иная встреча работниками в их рабочее время на рабочем месте
Участие в образовательных и информационных мероприятиях	Приём по клиническим исследованиям, по которым не заключены договоры и не получено разрешение	
Приём по вопросам клинических испытаний/исследований		
Встреча с работниками в нерабочие часы		
	Нахождение сотрудника компании на операции при работе с медицинским изделием	
	Иная встреча с работниками в их рабочие часы вне рабочего времени	

Однако фармацевтические компании могут делать пожертвования некоммерческим организациям по договору о пожертвовании по ст. 582 ГК РФ, участвовать в благотворительности и поддерживать независимые образовательные мероприятия третьих лиц. Поддержка конференции допускается в виде грантов организаторам, оплаты питания участников, если это позволяют правила, установленные организаторами конференции. При этом разрешается демонстрации продуктов и услуг компаний на конференциях, но не спонсирования развлечений (отдыха) в связи с приемом пищи. Разрешается спонсирование сателлитных симпозиумов предоставление лекторов и материалов для их проведения.

Согласно кодексу AIMP, компания обязана документально оформлять и раскрывать информацию о передаче ценностей, которые она производит, прямо или косвенно, в пользу специалиста здравоохранения или организации здравоохранения, являющихся получателями указанных ценностей, а именно о:

- пожертвованиях и грантах;
- покрытие расходов, связанных с проведением мероприятий (регистрационные взносы; спонсорские соглашения; проезд и проживание);
- платежах за оказание услуг и консультирование [1].

За нарушение указанных положений в действующем законодательстве предусмотрено несколько видов ответственности: административная за нарушение законодательства о защите конкуренции, а также потенциально уголовная за дачу и получение взятки (ст. ст. 291, 290 УК РФ) и коммерческий подкуп (статья 204 УК РФ). Также компании несут репутационные риски за нарушение положений законодательства и Кодекса AIMP/Кодекса IMEDA) [1, 3].

Для медицинских и фармацевтических работников, не соблюдающих требования об ограничениях, описанных выше, КоАПом предусмотрена административная ответственность за нарушение норм о конфликте интересов. Так, согласно ст. 6.29 КоАП РФ, непредставление медицинским работником руководителю медицинской организации информации о возникновении конфликта интересов приведет к наложению штрафа в размере от 3 до 5 тыс. руб.

Непредставление или несвоевременное представление руководителем медицинской организации уведомления о возникновении конфликта интересов в уполномоченный орган исполнительной власти приведет к наложению штрафа в размере от 5 до 10 тыс. руб.

Повторное же совершение одного из указанных выше нарушений повлечет наложение штрафа в размере от 10 до 20 тыс. руб. либо дисквалификацию на срок до 6 мес. [2].

КоАП ввел административную ответственность за нарушение норм в сфере регулирования конфликта интересов только для медицинских работников. Таким образом, КоАП РФ не содержит прямой нормы об ответственности фармацевтических компаний за нарушения положений о конфликте интересов. Однако принятый в первом чтении проект изменений в КоАП РФ решает эту проблему – ответственности за несоблюдение ограничений при взаимодействии с медработниками и фармработниками подвергается и фармкомпания:

Для медицинских работников, руководителей медицинских организаций, фармацевтических работников и руководителей аптекных организаций: предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 5, 000 руб. до 7, 000 руб.; на юридических лиц - от 20, 000 руб. до 30 000 руб.

Для компаний и их представителей: административный штраф на юридических лиц в размере от 300 000 руб. до 500 000 руб. [6].

Список литературы

1. Кодекс надлежащей практики Ассоциации международных фармацевтических производителей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.aipm.org/netcat_files/467/367/h_eea25538b485d7a129e6e9b0333541a8/ (дата обращения: 04.05.2017).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 05.05.2017).
3. Кодекс этического поведения при взаимодействии с работниками здравоохранения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://imeda.ru/netcat_files/userfiles/PDF/ime_da_ethical_code_rus_final.pdf (дата обращения: 04.05.2017).
4. Об обращении лекарственных средств: федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/ (дата обращения: 04.05.2017).
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 04.05.2017).
6. Проект № 957581-6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=139890#0/ (дата обращения: 05.05.2017).
7. Уголовно-процессуальный кодекс: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 04.05.2017).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Князева О.В.

*Князева Ольга Васильевна - кандидат юридических наук, старший преподаватель,
кафедра уголовного права,
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Рязань*

Аннотация: в работе рассматривается современная практика к расширению применения мер уголовно-правового воздействия на осужденных, не связанных с изоляцией человека от общества. Практика показывает, что не всегда карательные элементы воздействия на личность виновного достигают целей уголовной ответственности и наказания. Их применение, особенно в отношении лиц, которые виновны в преступлениях, не представляющих большой общественной опасности для общества, зачастую чревато серьезными негативными последствиями, потому что важна не жестокость наказания, а его неотвратимость.

Ключевые слова: преступление, наказание, уголовно-исполнительная инспекция, условное осуждение, испытательный срок.

Безусловно, проблема условного осуждения весьма остра в уголовном праве. Она актуальна в первую очередь именно по соображениям целесообразности, потому что далеко не всегда условно осужденный оправдывает оказанное ему доверие со стороны суда и общества. Поэтому перед юридической наукой стоит задача: как можно точнее определить понятие и юридическую природу условного осуждения; правильно соотнести его с другими уголовно-правовыми институтами, прежде всего с наказанием; определить порядок назначения и исполнения наказания, которое суд постановляет считать условным.

Цель установления испытательного срока состоит в удержании условно осужденного от нарушений порядка его отбывания посредством чего выработать у него склонность к ведению законопослушного образа жизни, убедив самого осужденного и общество в том, что примененная к нему мера уголовно-правового воздействия была достаточной, целесообразной, а самое главное эффективной.

В судебной практике имеется негативный опыт самостоятельного исполнения приговоров условно осужденных, что приводит к парадоксальным ситуациям, когда условно осужденный отбывает реальный срок лишения свободы в исправительном учреждении и одновременно состоит на учете в уголовно-исполнительной инспекции, которая продолжает вести его личное дело, либо в отношении условно осужденного ведется сразу два личных дела, так как он за одно из преступлений осужден условно, а за другое – к наказанию, не связанному с лишением свободы, которое исполняет уголовно-исполнительная инспекция (обязательные, исправительные работы), либо также осужден условно.

Представляется необходимым критически оценить п. 47 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 года № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в котором суд фактически взял на себя роль законодателя. В частности, здесь говорится: «Вывод о возможности сохранения условного осуждения (имеется в виду совершение лицом преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести в период испытательного срока, а также тяжкого преступления несовершеннолетними) излагается в описательно-мотивировочной части приговора, а

в его резолютивной части указывается на то, что приговор в части условного осуждения по первому приговору исполняется самостоятельно». Далее оговаривается: «Если в отношении условно осужденного лица будет установлено, что оно виновно еще и в другом преступлении, совершенном до вынесения приговора по первому делу, правила статьи 69 Уголовного кодекса Российской Федерации применены быть не могут, поскольку в статье 74 Уголовного кодекса Российской Федерации приведен исчерпывающий перечень обстоятельств, на основании которых возможна отмена условного осуждения. В таких случаях приговоры по первому и второму делу исполняются самостоятельно.

Вполне очевидно, что самостоятельность исполнения приговоров за совершение различных и одновременных преступлений одним и тем же лицом неоправданна. Во-первых, суд в нарушение принципов справедливости и равенства граждан перед законом, а также цели восстановления социальной справедливости не реагирует должным образом на имеющие место отдельные преступления – их множественность. И если не истекли сроки давности, то не важно, в какое время они совершены.

Во-вторых, очевидно, что при назначении «самостоятельного» наказания за преступление, совершенное до вынесения приговора по первому делу (об условном осуждении), суд, так или иначе, будет учитывать степень общественной опасности личности преступника и, если санкция статьи предусматривает лишение свободы, думается, ему не миновать данного наказания.

Параллельное же исполнение таких приговоров, по одному из которых суд видит возможность исправления осужденного без реального отбывания назначенного ему наказания, а по другому такой возможности не видит, весьма сомнительно.

В таких случаях лица, находясь в местах лишения свободы, по смыслу закона, успешно проходят испытательный срок условного осуждения и в специализированных государственных органах, осуществляющих контроль за данными лицами, «ведется» личное дело этих лиц – «мертвых душ», которое прекращается только после истечения испытательного срока, который, кстати говоря, может по продолжительности превышать срок лишения свободы, и в таком случае лицо, освободившись, продолжает доказывать свое исправление. Кроме того, согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда от 12 ноября 2001 г. № 14 «О практике назначения судами видов исправительных учреждений» и п. 42 анализируемого постановления Пленума № 2 при условном осуждении к лишению свободы вид исправительного учреждения не назначается и поэтому факт осуждения к лишению свободы условно никак не учитывается при назначении судом вида исправительного учреждения, в котором данный осужденный будет отбывать реальный срок лишения свободы.

В сложившемся положении нет никакого противоречия и это объясняется существованием в судебной практике «особой разновидности совокупности преступлений: совокупности при одновременном осуждении за преступления, совершенные до первого осуждения за одно из них». Однако в ч. 5 ст. 69 Уголовного кодекса Российской Федерации указано, что если после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу, наказание назначается по совокупности преступлений, а следовательно, указанная автором особая разновидность совокупности преступлений действует только при условном осуждении.

Ссылка на то, что приговор об условном осуждении должен исполняться самостоятельно, не основана на законе, ибо он такого правила не содержит, в отличие, например, от штрафа, который при сложении с лишением свободы всегда исполняется самостоятельно (ч. 2 ст. 71 Уголовный кодекс Российской Федерации). В п. 43 рассматриваемого постановления Пленума от 11 января 2007 года № 2 говорится: «При условном осуждении по второму приговору за преступление, совершенное до провозглашения первого приговора, по которому также было

применено условное осуждение, суд в резолютивной части второго приговора должен указать на самостоятельность исполнения указанных приговоров, поскольку испытательный срок, устанавливаемый при условном осуждении, не является наказанием и не может быть ни поглощен более длительным испытательным сроком, ни частично или полностью сложен».

Такой подход законодателя можно объяснить неоднозначным толкованием правовой (юридической) природы института условного осуждения и зачастую неоправданным отождествлением его с освобождением от реального исполнения наказания. В связи с этим понятно, что приговор в виде конкретно назначенного вида и размера наказания, хотя и условно, но исполняется. При указанном положении первый приговор при его самостоятельном исполнении становится просто «провозглашенным».

Таким образом, суд должен «закрывать глаза» и никак не учитывать совершение условно осужденным, по сути, нового преступления, о котором суду не было известно при вынесении приговора об условном осуждении. Ведь в таком случае, очевидно, что суд неправильно учел общественную опасность личности преступника, не зная всех обстоятельств, которые в силу ч. 2 ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации должен был учитывать.

Однозначно здесь не должно быть исключений из общих правил.

Ведь, как отмечал В.А. Ломако, условно осужденные и так находятся в более льготных условиях, чем лица, отбывающие реальный срок лишения свободы, которым в аналогичной ситуации окончательное наказание назначается путем частичного или полного сложения наказаний, кроме случаев, когда оба преступления являются преступлениями небольшой тяжести, где допускается принцип поглощения менее строгого наказания более строгим [1, с. 21].

Некоторые суды, толкуя разъяснения Пленума по-своему, вообще не назначают вид и размер наказания за повторное преступление, лишь оговаривая, что условное осуждение по первому приговору сохраняется и исполняется самостоятельно.

Не имея возможности отменить условное осуждение, назначенное по первому приговору, суды в некоторых случаях сохраняют условное осуждение, складывая при этом наказания, назначенные условно.

Еще сложнее данная ситуация в случаях, когда на условно осужденного судом были возложены исполнение определенных обязанностей (не менять постоянного места жительства, работы без уведомления (разрешения) специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за условно осужденным, или периодически являться на регистрацию в данный орган), которые он фактически не исполняет.

Кроме того, на практике возникают сложности при отмене (замене) той или другой меры уголовно-правового принуждения при уклонении от их исполнения (отбывания), отмене условного осуждения и снятии судимости. Суды не могут отменить условное осуждение и прекратить течение испытательного срока со снятием судимости одновременно по двум приговорам об условном осуждении. Пленум же Верховного Суда не оговаривает подобные казусы.

Изучение приговоров об условном осуждении по таким делам, кроме того, показало неоднозначный подход и путаницу судов в случаях, когда хронологически то преступление, которое предшествовало приговору об условном осуждении, было совершено позже преступления, за которое лицо осуждено условно. В некоторых случаях суд устанавливает даже очередность исполнения условного и реального наказаний в виде лишения свободы, что не предусмотрено Уголовным кодексом Российской Федерации.

Вместе с тем, работа уголовно-исполнительных инспекций придает социальную направленность. Акцент сделан на активизацию сотрудничества со структурами гражданского общества, способными оказать позитивное

гуманитарное воздействие на осужденных, привлечение их к процессу исправления и не совершения новых преступлений [2, с. 58-60].

Поэтому, как вариант из сложившейся ситуации: путем дополнения ч. 5 ст. 69 Уголовного кодекса Российской Федерации положением, согласно которому в рассматриваемых случаях суд при назначении наказания по совокупности преступлений окончательное наказание назначает путем поглощения менее строгого наказания более строгим. Такое положение в нарушение принципа дифференциации ответственности противоречит требованиям ч. 3 ст. 69 Уголовного кодекса Российской Федерации, предписывающей назначать наказание по совокупности преступлений только по принципам частичного или полного сложения наказаний за каждое преступление, если хотя бы одно из них является преступлением тяжким или особо тяжким.

В связи с этим представляется необходимым дополнить ст. 74 Уголовного кодекса Российской Федерации частью седьмой: «Если после вынесения судом приговора об условном осуждении будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу, суд отменяет условное осуждение и назначает наказание по правилам, предусмотренным ч. 5 ст. 69 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Соглашаясь с авторами, утверждающими, что в таком случае необходимо отменять приговор об условном осуждении и рассматривать оба дела одновременно, отметим, что это не означает невозможность назначения окончательного наказания вновь условно. Ведь в соответствии с п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 года № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», «Если суд придет к выводу о возможности постановления приговора об условном осуждении лица, совершившего два и более преступления, то такое решение принимается не за каждое преступление, а при окончательном назначении наказания по совокупности преступлений».

Такое решение вопроса позволит избежать перечисленных противоречий, организовать работу суда и уголовно-исполнительных инспекций в соответствии с принципами уголовного права и целями наказания.

Список литературы

1. *Ломако В.А.* Юридическая природа условного осуждения // Харьков: Вища школа, 1976. С. 21.
2. *Уткин В.А.* Исправление, ресоциализация, социальная реабилитация. // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск, 2011. Ч. 50. С. 58-60.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Савин В.С.¹, Осадчая Н.Г.

¹Савин Владислав Сергеевич – магистрант,
юридический факультет;

²Осадчая Наталья Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права,

Муниципальное унитарное предприятие
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Российский государственный университет правосудия,
Ростовский филиал,
г. Ростов на Дону

Аннотация: в статье рассматриваются признаки организованной преступной деятельности в настоящее время, пути и цели ее развития, основываясь на которых необходимо вырабатывать способы и меры противодействия этому явлению.

Ключевые слова: организованная преступность, история преступности, признаки преступности.

В настоящее время преступная деятельность является одной из важнейших проблем современного общества. Отечественными и зарубежными учеными накоплен огромный запас знаний в сфере анализа, и разработки мер противодействия организованной преступности, но из-за инертности законодательной системы организованная преступность двигается на шаг впереди аппарата, занимающегося противодействием и борьбой с ней. Современные исследователи избавлены от необходимости разработки основ криминологического учения об организованной преступности, необходима лишь систематизация имеющихся подходов, выявление пробелов и повышение эффективности. При появлении первых успехов в борьбе с ней она начинает активно видоизменяться, становиться еще более латентной и переходить в другие сферы жизни, оставляя далеко позади правоохранительные органы. Это объясняется тем, что правоохранительные органы пытаются ее сдерживать на приемлемом уровне, не желая затрачивать больших средств на борьбу с ней, т.к. мотивацией их работы является лишь давление общества, возмущенного нарушением прав его членов. В то же время, преступное сообщество имеет более сильную мотивацию для своего развития, такую как личная корысть и страх перед наказанием, в случае выявления.

Отечественная наука признала существование такого явления как организованная преступность в нашей стране лишь к концу 80-х гг. XX века. До этого идеологический подход не допускал существования этого бича современности в коммунистическом обществе, т.к. полностью подрывал его идеалы. Поэтому его укрывали, делая вид, что его не существует, вместо признания несовершенства системы и своевременного принятия мер к борьбе с организованной преступностью. Лишь когда это явление приняло ужасающие обороты, захватило все сферы жизни общества, в нашей стране были вынуждены признать существование организованной преступности и начать борьбу с ней. Впервые в отечественной науке произошла дифференциация организованной преступности. Именно в это время, в доктрине уголовного права указывались такие черты этого явления: осуществление мероприятий на основе постоянной программы преступного характера; связь с предоставлением услуг и товаров; осуществление деятельности в наиболее прибыльных общественных сферах деятельности; монополизация легальных и нелегальных рынков сбыта; внедрение в легальные структуры общественного управления; отмыwanie незаконно полученной прибыли в легальном бизнесе; обеспечение стабильности за счет специальных методов давления и удержания в повиновении; осуществление деятельности в виде

узко специализированных преступных формирований, имеющий организационную структуру, иерархию, многоуровневость входящих в нее элементов. В настоящее время этот список существенно расширился. Отсюда вытекает тот факт, что отечественные специалисты в своем большинстве пытались в определении организованной преступности акцентировать внимание на каждом признаке, либо стремились объединить их при разработке данного понятия.

В то время как И.В. Годунов считал, что организованная преступность – это «негативное социальное явление, складывающееся из организованной преступной деятельности, носящей постоянный характер, в виде совершения множества преступлений на криминально-профессиональной основе в целях криминального обогащения» [1], то Э.Ф. Побегайло, указывал, что «организованная преступность есть обладающая высокой степенью общественной опасности форма социальной патологии, выражающаяся в постоянном и относительно массовом воспроизводстве и функционировании преступных сообществ (организаций)» [2]. Интерактивный подход демонстрирует понимание преступности, созданный А.И. Гуровым, согласно которому она представляет собой «относительно массовое функционирование устойчивых управляемых сообществ преступников, занимающихся совершением преступлений как бизнесом и создающих с помощью коррупции систему защиты от социального контроля» [3]. Именно этот подход отражает наиболее полно организованную преступность современности, он использован высшей судебной инстанцией РФ в Постановлении Пленума Верховного Суд Российской Федерации № 8 от 10 июня 2008 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступных организаций)» [4]. Необходимо признать, несмотря на то, что данный подход является доминирующим в отечественной криминологической науке, он является недостаточным для полного понимания исследуемого явления. А.И. Долгова замечает, что он выглядит примитивным и отражает основные показатели организованной преступности лишь на момент ее зарождения, «он фиксирует факт множества организованных преступлений и множества организованных формирований, при этом не вскрывает взаимосвязи различных организованных преступлений и системы взаимодействия разных организованных формирований» [5].

В современное время организованная преступность не является однородным формированием. Она распадается на множество ответвлений, видоизменяется и мутирует подобно вирусу, в зависимости от сферы совершения преступлений, мотивации преступной деятельности, степени организации и сплочённости групп, а также иных признаков. В.В. Лунев предложил разделять преступность на уголовную, промышленную, общеуголовными и насильственными преступлениями и экономическую, которая подразделяется на бюрократическую и рыночную [6]. Это поставило перед исследователями новые задачи и привело к пониманию невозможности унификации способов противодействия организованной преступности и необходимости разработки отдельных мер противодействия каждой ветви этого явления. В 2001 году на десятом конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями был закреплён ещё один вид организованной преступности – транснациональная, которая может нести в себе существенные характеристики политической, экстремистской, террористической, общеуголовной и рыночной преступности [7].

Сегодня становится очевидно, что в рамках традиционного подхода становится невозможно познать сущность организованной преступности. Ее полноценное исследование невозможно без использования социологии, экономики, теории систем, теории социальной организации и т.д. Обратимся к практике, на примере организованных преступных групп, занимающихся мошенничеством, чтобы провести сравнение и оценить масштабы разрастания этого явления, его способности к развитию и эволюционированию. Впервые мошенничество

упоминается в судебнике Ивана Грозного, ст. 58 вводила наказание за совершение мошенничества путем обмана. Этот способ совершения преступления не теряет актуальности и в наши дни. Первоначально эти преступления зародились в торговой сфере, а после охватили все сферы жизни. Но на этом этапе оно не получило определения как отдельный вид профессиональной преступной деятельности. Как отметил И.Я. Фойницкий, «несмотря на строгость наказания, традиционные в России топор и кистет заменялись орудиями более тонкими – обманом, хитростью, тайным изъятием чужого имущества» [8]. В XVIII начало формироваться профессиональное организованное преступное сообщество, родом деятельности которых были имущественные преступления, связанные с обманом и злоупотреблением доверием. Возникали группы «наперсточников», «шулеров», в которых была иерархия и четкое распределение.

Мошенничество можно отнести к интеллектуальной преступности, именно мошенники первыми осваивают достижения науки и техники и начинают их активно применять. Рассвет мошенничества во всех его видах и формах приходится на XX век, в своих схемах обмана мошенники активно начали использовать телефоны. С появлением автотранспорта у широких масс населения появилось мошенничество, связанное с использованием автотранспорта в «разыгрываемых спектаклях», с развитием промышленности появилась бижутерия, продаваемая под видом золотых изделий. Несмотря на все это правоохранительной системе удавалось бороться с этим, т.к. план совершения преступления оставался неизменным, менялся лишь способ обмана. Мошенники были вынуждены встречаться со своими жертвами лицом к лицу, и при личном контакте и оставляли множество улик, которые помогали изобличать их.

В начале XXI века с массовым распространением мобильной связи мошенники получили возможность совершать преступления дистанционно, не оставляя никаких следов и не встречаясь со своими жертвами лицом к лицу. При осуществлении преступления могли принимать участие несколько преступников, каждый из которых в ходе беседы с потенциальной жертвой играл свою роль. С появлением дополнительных сервисов, связанных с денежными операциями, именно мошенники осваивали их первыми, зачастую быстрее, чем граждане, для которых они создавались. С распространением сети интернет количество преступлений, связанных с обманом или злоупотреблением доверием вырос до колоссальных масштабов. Теперь даже преступления, совершаемые одним человеком, могут носить транснациональный характер, и при соблюдении мер конспирации обеспечивают высокую скрытность для преступника. В настоящее время обман с использованием мобильной связи и сети интернет является самым распространенным видом имущественных преступлений, а противодействовать ему из-за пробелов в законодательстве, в связи с массовостью данного явления стало очень сложно. Законодатель неоднократно принимал попытки взять под контроль сеть интернет и мобильную связь, поступали предложения, вплоть до самых радикальных, по блокировке доступа к международным ресурсам и взятия под полный контроль внутренних ресурсов сети интернет, но эти попытки не достигли своей цели. Появилась целая отрасль профессиональной и хорошо организованной преступности, действующей в этой системе. С привязкой банковской системы к сети интернет и мобильной связи количество преступлений с их использованием только увеличилось. В настоящий момент законодательно не удастся взять под контроль эту сферу должным образом. Это и является свидетельством того, что организованная преступность, имея мощную мотивацию к развитию, двигается на шаг впереди законодательной и правоохранительной деятельности. Мы рассмотрели развитие лишь одной из отраслей организованной преступной деятельности, но и на этом примере видно, насколько сильное развитие она получила.

Современная организованная преступность имеет такое сочетание признаков, которое делает ее наиболее существенной из угроз современным позитивным

общественным отношениям и даже всему мировому порядку. Н.Б. Бараева считает, что «социальная задача организованной преступности – не разрушение существующего общества, а выработка высокоадаптивных механизмов, своего рода антигенов, позволяющих системе развиваться, не смотря на все нормотворческие изыски бюрократии» [9]. Это справедливо только от части, т.к. организованная преступность не имеет самоограничивающих факторов, и без контроля и противодействия будет распространяться по цепной реакции, до тех пор, пока не приведет к разрушению современного социума. Очевидно, что на определенном уровне любой социальный институт, в том числе и организованная преступность, начинает стремиться не только к внутреннему развитию и совершенствованию своей структуры и функций, но и к изменению окружающей среды согласно собственным представлениям о нормах и правилах взаимодействия, что является недопустимым.

Механизм этого влияния хорошо описал А.С. Овчинский, который исследовал организованную преступность со стороны теории информации, и заметил некоторые очень важные характеристики. Согласно его мнению, значимыми свойствами современной преступности в РФ является ее интузивность и деструктивность. Интузивность проявляется в встраивании ее в систему общественных, социальных, экономических и правовых отношений, криминальное изменение политической, социальной и духовной культуры, что способствует ее пагубному влиянию на общество [10].

В заключении можно сказать, что проникновение оргпреступности во все сферы жизни современного общества создает опасность их «перерождения», признания интересов профессиональных преступников нормой, для «здорового» общества. Следовательно, назрела необходимость разработки и принятия Концепции по противодействию организованной (профессиональной) преступности, включающей в себя комплекс мер идеологического, социального и правового характера. В УК РФ, в частности необходимо повысить ответственность за рецидив преступлений, установить в квалифицирующих признаках ряда статей признак «совершение деяния на профессиональной основе, усовершенствовать законодательство, регулирующее ответственность за мошенничество.

Список литературы

1. *Годунов И.В.* Транснациональная организованная преступность в России. Автореф. дис. д-ра юридических наук. Рязань, 2002. С. 24.
2. *Побегайло Э.Ф.* Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с ней. М., 1990. С. 17.
3. *Гуров А.И.* Организованная преступность – не миф, а реальность. М., 1990. С. 19.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ, 2008. № 8.
5. *Долгова А.И.* Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 324.
6. *Лунев В.В.* Преступность XX в. Мировые, региональные и Российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М., 1999. С. 300–301.
7. Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Сб. документов / сост. Волеводз А.Г. М., 2001. С. 192.
8. *Фойницкий И.Я.* Мошенничество по русскому праву. СПб., 1871. 256 с.
9. *Бараева Н.Б.* Институциональные проявления организованной преступности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1116173/> (дата обращения: 15.04.2017).
10. *Овчинский А.С.* Информационное воздействие и организованная преступность. Курс лекций. М., 2014. С. 70-73.

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК МЕТОДА БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Савин В.С.¹, Осадчая Н.Г.²

¹Савин Владислав Сергеевич – магистрант,
юридический факультет;

²Осадчая Наталья Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права,
Муниципальное унитарное предприятие
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Российский государственный университет правосудия,
Ростовский филиал,
г. Ростов на Дону

Аннотация: в статье рассматриваются методы общей концепции борьбы с организованной преступной деятельностью в настоящее время, понятия и цели предупреждения и противодействия, на основании которых вырабатывается уголовная политика.

Ключевые слова: организованная преступность, противодействие организованной преступности, предупреждение организованной преступности, методы борьбы с преступностью.

Предупреждение преступности означает охрану людей, общества, государства от действий, угрожающих их интересам и являющихся социально опасными. Представляется сложным комплексом всевозможных мер предупреждающего воздействия на все, что порождает, воспроизводит это социально негативное явление, определяет его неблагоприятные тенденции, качественно-количественные характеристики.

В статье изучаются и анализируются правовые основы предупреждения преступности как отдельной группы в криминологии.

Данная цель решается следующими задачами:

- изучение понятий, законодательства и теоретико-правовых форм вышеуказанного вопроса;
- сравнение и анализ теории и правовых основ;
- заключение проделанной работы.

Предметом исследования в статье являются законодательные и нормативно-правовые акты и научная литература вопроса о противодействии и предупреждении преступности в криминологии. Объектом исследования являются обязательные причинные связи явлений и процессов, происходящих в системе, в том числе и детерминационных комплексов предупреждения и противодействия преступности в криминологии, как исследуемых научных взаимоотношений.

В наше время преступность стала обыденным социальным явлением, таким, что его невозможно исключить из нашей повседневной жизни. Понятие преступности, по нашему мнению, стоит в ряду с такими словами как «война», ведь «война - она никогда не меняется».

Рассматривая эту проблему предупреждения и противодействия преступности, необходимо провести сравнительный анализ, разъяснить понятия предупреждения и противодействия, т.к. из-за того, что они неразрывно связаны провести грань между ними может быть сложно. Предупреждение включает в себя несколько похожих понятий, оно комплексное и более широко охватывается в трактовке значения данного слова. Термин «предупреждение преступности» является оксюмороном из-за того, что нельзя предупредить то, что уже имеет место быть.

Как писал Р.Д. Тамаев о предупреждении преступности: «Мы пытаемся изучить, понять это явление, т.к. оно, возможно, является основным в криминологической науке. Оно позволяет не допустить массового криминального поведения со всеми его негативными последствиями. Эта основная цель уже предполагает хотя бы попытку отрыва субъектов преступлений, уничтожение социальных «мостов» преступников при их изоляции от общества либо возможную «заморозку» будущих правонарушителей [1]».

Изучая глубже проблему предупреждения, можно заметить, что изучение предупреждения как самостоятельного понятия невозможно, так же как и целого без частного. Это достаточно сложная особенность данного вопроса [2].

Как говорила О.Е. Марлукина особенностью, наиболее важной, является недопущение проявления криминального поведения. В современном обществе с традиционно высоким уровнем преступности огромное количество ресурсов затрачивается на системы охраны общества, имущества, общественного порядка, на обеспечение системы выявления и наказания правонарушителей [3]. И все меньше средств остается на оперативное оказание социальной помощи нуждающимся в ней членам общества, образование и культуру. Наиболее точно связал это противоречие Щедрин Н.В.: «Лучше предупреждать преступления, чем карать за них» [4].

Для изучения данной проблемы необходимо, в первую очередь, оценить важность предупреждения, т. к. цивилизованное государство стремится к тому, чтоб не допустить преступности во всех его социальных сферах. Системность, индивидуальность, массовость - хоть эти понятия возможны с разных полюсов, но владение и гибкость их, как нам кажется, могут дать возможность провести изучение такого проблемного понятия, как предупреждение преступности.

Осветим понятие предупреждения преступности. Подход к преступности во всех ее проявлениях как социально-негативному явлению предполагает определенную стратегию борьбы с ней, в которой основным является оказание воздействия на причины ее возникновения [5].

Выдвинутое предположение о том, что предупреждение преступности должно преобладать над карательной политикой, была сформулирована в IV в. до н. э., Платоном в глубокой древности, но на практике ее исполнение было реализовано сравнительно недавно. Эта мысль получила свое правовое толкование в работах юристов классической школы уголовного права XVIII в., которые создали фундаментальные основы новой политики в борьбе с преступностью. Ее смысл заключается в короткой формулировке, выраженной В.Н. Бурлаковой: «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него [6]».

В дальнейшем теоретическая трактовка предупреждения преступности была дана в криминологической науке, которая стала альтернативной в науке уголовного права в части определения ее основных целей, задач, а также применяемых мер борьбы с преступностью в современном мире [7]. В современности предупреждение преступности - доминирующее направление в деятельности государства и общества, которая нацелена на борьбу с социально-негативным явлением организованной преступности.

В криминологии предупреждение и противодействие преступности можно рассмотреть, как сложную, многоуровневую систему государственных и общественных мер, нацеленных на выявление, распознавание, ликвидацию и ослабление причин и условий возникновения преступности, преступлений отдельных видов и конкретных правонарушений, в том числе направленных на удержание от возвращения или перехода на преступный путь людей, условия социальной жизни и поведения которых указывают на то, что такой переход для них возможен [8]. Разработка и внедрение данных мер - главная задача криминологических исследований. Внедрение этих мер в практику является показателем эффективности данных исследований.

Предупреждение преступности представляет собой систему, которая включает: объекты профилактики; ее фундаментальные уровни и формы; меры предупреждающего воздействия; субъектов, осуществляющих этот вид деятельности [9].

Цели предупреждения преступности

В государствах, имеющих социалистический строй в 60-е гг. XX в. была сформирована общесоциальная задача ликвидации преступности. Т.к. существование этого явления ставило под сомнение идеалы, продвигаемые этим режимом, эта цель существовала в директивных документах до начала 80-х гг. до тех пор, пока общество не было вынуждено признать существование данного явления и невозможность его полного искоренения. [10]. Этой задаче политики реагирования на преступность сопутствовали достаточно прогрессивные, гуманно сформулированные в уголовном законодательстве социалистических государств цели и задачи наказания правонарушений, которые были ориентированы на исправление и перевоспитание осужденных, а также предупреждения преступлений. При этом необходимо признать, что, допущенная размытость определения в Уголовном кодексе 1960 г. целей, преследуемых уголовным наказанием, позволяла судить о допущении законодателем возмездной и карающей природы уголовного наказания правонарушений. При этом о лицах, права которых были нарушены, система не заботилась, за исключением удовлетворения их низменных мстительных чувств [11]. Слабо проводилась социальная работа с лицами, оказавшимися в положении, толкающем их на совершение преступлений, помощь им в выходе из этой ситуации [12].

Бурлаков М.К. в своих работах писал: «В 1980-х гг., когда провал программы построения в СССР коммунизма как общества, в частности свободного от преступности, стал очевидным, главный лозунг политики государственного реагирования на преступность был скорректирован, появились формулировки «стабилизировать преступность», «уменьшить темпы роста числа преступлений», «улучшить ее структуру, в т. ч. за счет сокращения доли наиболее опасных преступлений». Вопрос о ликвидации преступности был снят [13]».

Необходимо обратить внимание на то, что адекватная научно обоснованная установка политических целей в сфере реагирования на преступность крайне важна. Имеет смысл акцентировать внимание, очевидно, только на такие цели, которые достижимы в практической деятельности и проводить работу только с тем, что выполнимо. Перспективой в практической деятельности для России может быть построение правового государства в условиях сосуществования с преступностью, как с неизбежным социально негативным явлением, которое невозможно искоренить полностью, а можно лишь сдерживать на приемлемом уровне, не угрожающем социуму, формирование процессов реагирования на преступность в рамках современного цивилизованного подхода.

Принципы предупреждения и противодействия преступности

Как отражено в действующем Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации, область социального управления, на ряду с другими областями, в сфере предупреждения преступности должна отвечать принципам законности, демократизма, гуманизма и справедливости, научности. Она действует в последовательности: «цели - задачи - функции - организационные структуры и меры, их информационное, методическое, ресурсное обеспечение». При этом нужно учитывать специфику условий и ситуаций, присущей соответствующей территории либо отрасли социальной жизнедеятельности [14].

В Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. Закреплено «Легитимность деятельности по предупреждению преступности предполагает фактическое наличие и развитие правовой базы, исполнение ее требований. Другими словами, необходимо наличие достаточного правового регулирования на уровне закона и иных нормативных актов, задач, методов, форм профилактики прав и обязанностей

субъектов этой работы, гарантий законных интересов лиц, в отношении которых она осуществляется. Вместе с тем нельзя допускать декларативности, которая может обесценить развивающуюся новую отрасль права - профилактическую. Законность деятельности по предупреждению преступлений требует конкретного описания в соответствующих нормативных актах компетенции и правомочия субъектов профилактики, содержания ее мер, оснований и условий их применения, минимизации использования оценочных понятий и определения пределов их применения [15]».

Демократизм, в сфере предупреждение преступности, означает, что деятельность осуществляется:

- а) под контролем органов представительной власти соответствующих уровней;
- б) с непосредственным участием и под контролем общественных объединений и формирований, которые должны квалифицированно осуществлять свою деятельность, не мешая работе правоохранительной системы, но и не сводя свою деятельность к роли «помощников» государственных органов;
- в) с учетом результата мониторинга общественного мнения, относительно предупреждения конкретных видов преступлений.

Гуманизм и справедливость деятельности по профилактике преступности означают: лица, которые являются объектом этой деятельности, выступают в роли субъектов взаимодействия с органами, осуществляющими профилактическую деятельность, и имеют права, нарушение которых недопустимо; устанавливается цель выявить и предупредить развитие криминогенных процессов на ранней стадии, для того, чтобы ущерб для личности, общества и государства свести к минимуму; профилактическое воздействие осуществляется с щадящих мер, а при их недостаточности, переход к интенсивному воздействию. Принципы гуманизма и справедливости должны выражаться в необходимой достаточности профилактических мер всех уровне, этапов, видов, направлений, взаимодействовать с иными принципами, отвечать требованиям современности [17].

Принцип научности в предупреждении означает:

а) программирование и планирование, которое востребовано в предупредительной деятельности, правовом регулировании и управлению ею, как и в практическом применении профилактических мер, научной концепции данного вида деятельности, основанном на познании ее основных закономерностей и места в системе социума;

б) сопровождение профилактической деятельности на всех уровнях, этапах, направлениях, видах научно-методического обеспечения, который основывается на комплексном использовании достижений науки о борьбе с преступностью, объединенных криминологией и уголовной политикой; наличие при этом механизма внедрения в практическую деятельность научных рекомендаций после их объективной оценки;

в) использование на практике предоставляемых наукой знаний о закономерностях преступной деятельности и возможностей борьбы с ней для точной оценки ситуации в перспективе, настоящем времени и ретроспективе и принятия обоснованных и взвешенных стратегических и тактических решений;

г) проведение криминологических или комплексных экспертиз законодательных и управленческих актов, связанных с профилактикой преступности в процессе их подготовки, а также получении отчетов об их достоинствах и недостатках, после внедрения в практическую деятельность [17].

Применение принципа научности позволяет создать базу, содержащую полные и надежные сведения, необходимые для предупреждения преступности.

В заключение данной статьи, в которой изучены и частично проанализированы проблемы криминологии можно отметить, что преступность, несмотря на то, что она является проблемой государства, интенсивно подвергается воздействию глобализации. Современные государства в условиях глобализации тесно взаимодействуют друг с другом, в том числе в сфере борьбы с преступностью.

Как отражено в соглашении о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью: «Преступность в современных условиях превратилась в глобальную общечеловеческую проблему. При всей глобальности и международной значимости сотрудничества Российской Федерации в области борьбы с преступностью в рамках ООН, Совета Европы, иных континентальных и межконтинентальных сообществ и организаций, в настоящее время особое значение приобретают вопросы взаимодействия и со странами СНГ. Попытка проследить структуру мер предупреждения преступлений дает возможность проанализировать, возможно, даже выделить, тенденцию современных государств, в т. ч. и нашего, которые стремятся к фактическому построению демократического и правового государства, защищающего основную общечеловеческую ценность, права и свободы человека [18]». В связи с этим, для соблюдения интересов предупреждения преступлений необходимо широко использовать различные методы выхода из ситуаций, которые могут нести угрозу причинения потенциальным потерпевшим вреда, для того, чтобы гарантировать личную безопасность. Данные действия должны проводиться параллельно с правовым воздействием государства в лице правоохранительных органов. Президент Российской Федерации В.В. Путин, подчеркивая значимость взаимодействия всех правоохранительных систем, на коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 3 февраля 2006 г. сказал: «Уникальное место прокуратуры в борьбе с преступностью - координация работы правоохранительных органов».

Обращаясь еще раз, к уже освещенной проблеме, стоит обратиться каждому члену современного общества именно к себе, трезво оценив все субъективные качества, после чего с субъективной точки зрения выделить их радикальные отклонения, осознать тяжесть последствий от укрывательства, сотрудничества и участия в преступной сфере.

Список литературы

1. *Тамаев Р.Д.* Проблемы предупреждения преступлений в сфере международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью // Уголовное право, 2006. № 2.
2. Об утверждении Положения о государственном фонде борьбы с преступностью: постановление Правительства РФ от 7.07.2000 г. № 498. Доступ их справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Марлукина О.Е.* Криминология. М., 2007.
4. *Щедрин Н.В.* Основы общей теории предупреждения преступности. Красноярск, 1999.
5. Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998.
6. Криминология / под ред. В.Н. Бурлакова. СПб., 2002. С. 177-185. С. 194-199.
7. *Шестаков Д.А.* Криминология. Санкт-Петербург; Москва, 2006. С. 245-261.
8. *Аганов Г.М., Ковалева Е.* Предупреждение преступлений и иных правонарушений средствами прокурорского надзора при исполнении наказания в виде лишения свободы // Уголовное право, 2005. № 4.
9. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ их справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. *Щербакова Л.И.* Теоретические основы предупреждения насильственной преступности женщин // Уголовное право, 2005. № 1.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
12. *Кудрявцева А.В.* Криминология. М., 2007.
13. *Бурлаков М.К.* Криминология XX в. М., 2000.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ. Доступ их справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. О Концепции национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 10.01.2000. № 24. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Об утверждении положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 18.07.1996 г. № 1039. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью. М., 1998. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ЗАЩИТА ИНСТИТУТА СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Зобов В.А.

*Зобов Владимир Андреевич – магистрант,
юридический факультет,
Восточно-Сибирский филиал
Российский государственный университет правосудия, г. Иркутск*

Аннотация: рассматривается проблема уголовно-правовой защиты института семьи в современной России. Анализируется текущее законодательство, связанное с защитой семьи. Вносятся ряд предложений по совершенствованию законодательства, в сфере защиты жизни и здоровья.

Ключевые слова: Уголовный закон, защита семьи, охрана жизни и здоровья.

Семья это один из важнейших институтов современного общества. К сожалению, в Российском Уголовном законе защите данного института не уделено должное внимание. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее - УК РФ) данной проблеме посвящена 20 Глава, в которой непосредственно к защите семьи относятся лишь 4 статьи: ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)», ст. 155 УК РФ «Разглашение тайны усыновления (удочерения)», ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего», ст. 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей». В указанных статьях говорится об исполнении членами семьи и уполномоченными органами своих обязанностей в должной мере. Данные нормы безусловно важны, но, к сожалению, они не обеспечивают полной уголовно-правовой защиты института семьи [2].

Для более полной уголовно-правовой защиты института семьи, следует дополнить ряд норм предусматривающих ответственность за посягательства на жизнь и здоровье, так как насилие внутри семьи обладает большей общественной опасностью, чем обычное насилие. Кроме этого, в современной России семейная жизнь порой становится причиной возникновения личных неприязненных отношений между членами этой семьи, и для стимуляции решения подобных конфликтов мирным путем, а не насилием, стоит предусмотреть дополнительную ответственность за совершение деяний посягающих на жизнь и здоровье членов семьи [3].

Законодатель уже предпринимал попытки по повышению уровня защиты близких лиц, в редакции Уголовного кодекса действующей до изменений внесенных Федеральным законом от 07.02.2017 № 8-ФЗ в ст. 116 УК РФ указывал, что нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую

боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 настоящего Кодекса, в отношении близких лиц, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Исходя из смысла данной статьи, можно понять, что близкие лица получили уголовно правовую защиту от посягательств со стороны членов их семьи. Стоит отметить, что законодатель в примечании к ст. 116 УК РФ включал понятие близких лиц очень близко к понятию семьи, так как под близкими лицами понимались близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки) опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство. Данное понятие шире чем понятие семья в традиционном смысле, так как к близким родственникам он относит лиц ведущих совместное хозяйство, что является, по своей сути, гражданским браком который так же, может рассматриваться как семья в широком смысле этого слова [4].

Исключение побоев в отношении близких лиц из ст. 116 УК РФ, является необоснованным и влечет за собой риски увеличения бытовой преступности.

Учитывая тот факт, что законодатель предпринимал попытки по защите института семьи от насильственных преступлений, можно говорить о том, что подобные изменения следует вернуть в ст. 116 УК РФ и внесены в другие статьи Уголовного кодекса. В частности, логичным будет внесение изменений в ч. 2 ст. 105 УК РФ, а именно включение такого квалифицирующего признака как убийство, совершенное в отношении близких лиц. Данное преступление посягает на жизнь. Однако помимо этого убийство посягает на отношения сложившиеся внутри института семьи. Включение указанного квалифицирующего признака может способствовать ненасильственному разрешению сложившихся конфликтных ситуаций.

Подобные квалифицирующие признаки следует включить и в иные преступления против личности, указанные в главе 16 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовное право России. Общая часть: Учебник (3-е издание, переработанное и дополненное) / Под ред. Ф.Р. Сундунова, И.А. Тарханова. М.: Статут, 2009. 315 с.
2. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / под ред. Ф.Р. Сундунова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. 488 с.
3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Рарог. Москва: Проспект, 2015. 496 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Александров А.В.

*Александров Андрей Владимирович – студент магистратуры,
Высшая школа государственного аудита,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва*

Аннотация: в статье анализируются проблемы квалификации посредничества во взяточничестве и даются рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за данное преступление.

Ключевые слова: посредничество во взяточничестве, квалификация, интеллектуальное посредничество, физическое посредничество, взяткодатель, взяткополучатель.

Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена статья 291.1 (Посредничество во взяточничестве). Согласно диспозиции данной нормы, посредничество во взяточничестве представляет собой непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере.

После введения статьи 291.1 в УК РФ в судебной практике возник ряд проблем, связанных с ее применением. Некоторые из этих проблем были разрешены в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, другие проблемы продолжают оставаться дискуссионными.

Определенные сложности у правоприменителей возникают при квалификации интеллектуального посредничества во взяточничестве. По нашему мнению, интеллектуальное посредничество может иметь место, как при совершении действий, так и проявляться посредством бездействия. Интересно, что при квалификации интеллектуального посредничества во взяточничестве не имеет значения вопрос о передаче взятки. Посредничество во взяточничестве, совершенное в форме содействия достижению или реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем (интеллектуальное посредничество), признается оконченным независимо от того, состоялась ли передача денежных средств, составляющих предмет взятки.

Также представляется интересным вопрос о инициативе посредника во взяточничестве. Дело в том, что в диспозиции статьи 291.1 содержится упоминание о том, что посредник во взяточничестве действует по поручению взяткодателя или взяткополучателя. В связи с этим напрашивается вопрос: может ли посредник во взяточничестве сам изъявить желание совершить данное деяние? Нам представляется, что упоминание в диспозиции статьи 291.1. о том, что посредник во взяточничестве действует по поручению взяткодателя или взяткополучателя не исключает того, что идея о совершении данного преступления не может принадлежать ему (посреднику).

Также интересен вопрос о том, могут ли выступать в качестве предмета физического посредничества во взяточничестве услуги имущественного характера. Нам представляется, что нет. Однако это не исключает того, что услуги имущественного характера не являются предметом посредничества во взяточничестве, совершенного в форме содействия достижению или реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем (интеллектуальное посредничество). В качестве примера можно привести осуществление посредником ремонта в квартире должностного лица, оплаченного взяткодателем.

В научной литературе активно обсуждается проблема отграничения физического посредника от взяткодателя в случаях, когда взяткодатель действует в интересах других лиц. [1, с. 24-25]. В науке предлагается несколько критериев разграничения посредника и взяткодателя.

Как полагают одни ученые, основным отличием является вопрос о собственнике передаваемого в качестве взятки имущества. Если лицо передает в качестве взятки свое имущество, то оно является взяткодателем, если чужое – то посредником.

По мнению других ученых, основным отличием посредника от взяткодателя является интерес. Как правило, посредник действует из корыстных интересов.

Взяткодатель, в отличие от посредника, заинтересован не в получении денежных средств, а в совершении должностным лицом определенных действий.

Представляется, что такие критерии как «принадлежность предмета взятки» и «принадлежность интереса» должны применяться одновременно. Сложным вопросом является вопрос о квалификации действий лиц, близких должностному лицу, принявших без его ведома вознаграждение.

По нашему мнению, человек, близкий к должностному лицу, должен нести ответственность за посредничество во взяточничестве в любом случае. Если должностное лицо согласится совершить требуемые от него действия, то он (должностное лицо) несет ответственность в качестве взяткополучателя, а его близкий – за посредничество во взяточничестве. Если должностное лицо откажется от совершения требуемых от него действий, то действия близкого лица необходимо квалифицировать также - как оконченное посредничество во взяточничестве.

Список литературы

1. Яни П.С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность, 2013. № 2. С. 24–29.

СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ ПРЕСТУПНЫХ БАНКРОТСТВ

Смирнова В.А.

*Смирнова Виктория Александровна – студент бакалавриата,
кафедра международного публичного права, факультет международного права,
Московская государственная юридическая академия (университет) им. О.Е. Кутафина,
г. Москва*

Аннотация: в статье анализируется субъектный состав преступлений банкротства в сфере экономики, выявляется необходимость более тщательного рассмотрения роли специальных субъектов отдельных видов экономических преступлений.

Ключевые слова: фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство, специальный субъект, арбитражный управляющий, руководитель, трудовая функция, юридические лица.

Банкротство – признанная уполномоченным органом неспособность должника удовлетворить в полной мере требованиям кредиторов по денежным обязательствам. В российской правовой науке институт банкротства преимущественно относят к отрасли предпринимательского права, однако несостоятельность должника подразумевает под собой долгий и сложный процесс, который не только отражается на финансовом состоянии участников хозяйствующего субъекта, но и затрагивает интересы других участников экономического пространства. Процедура банкротства может причинить вред государству, кредиторам и иным хозяйствующим субъектам, особенно важно различать виды «криминальных» банкротств и оценивать, кто может являться инициатором действий, способных поколебать экономическую стабильность общества. В уголовный кодекс Российской Федерации включено несколько статей, посвященных банкротству.

Они не только отличаются друг от друга по объективной стороне и субъектному составу участником, но и тесно соприкасаются с преступлениями против собственности, например, мошенничество или присвоение и растрата [5, 297 – 299].

В Уголовном кодексе прямо затрагивают банкротство ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 «Преднамеренное банкротство» и ст. 197 «Фиктивное банкротство».

Следует отметить, что субъектом банкротства признаётся всегда специальный субъект [4, 179–180], то есть лицо либо являющееся руководителем организации, либо учредителем или участником юридического лица, либо членом, например, совета директоров. Исходя из смысла статьи 65 Гражданского кодекса, не могут быть признаны субъектами данного преступления руководители государственных корпораций, компаний, фонды, казенные предприятия или учреждения, политические партии и религиозные организации в силу того, что такие юридические лица не могут быть признаны несостоятельными (положения ст. 65 ГК РФ).

При этом особое внимание стоит уделить арбитражным управляющим. Данные лица, безусловно, являются специальными субъектами, основной функцией которых является антикризисное управление после назначения решением арбитражного суда. Действия управляющих влекут значительные правовые последствия для широкого круга лиц, ибо основная цель их деятельности – спасти предприятие от банкротства и создать такие условия, чтобы возможно было сохранить субъект хозяйствования на рынке товаров и услуг. Арбитражный управляющий может стать субъектом преступления в сфере банкротства, однако исключение составляет статья 196 – «преднамеренное банкротство». Важно учесть момент совершения преступления. То есть действия, предусмотренные статьей 196, а именно, действия или бездействия, способствовавшие появлению признаков банкротства, не могут стать результатом действий арбитражного управляющего, который выступает в роли специального субъекта уже после появления признаков несостоятельности.

В практике возникает вопрос, что делать, если субъектом неправомерных действий стала группа лиц. Ни в одной из статей о банкротстве нет квалифицирующего признака в виде группы лиц по предварительному сговору. Исходя из смысла Общей части Уголовного кодекса, следует обратить внимание, что согласно ст. 34 ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью общественной опасности каждого из них в совершении преступления. Поэтому, если лицо не являлось субъектом данного преступления, то есть в данном случае не было учредителем или руководителем организации, оно может быть признано субъектом преступления со ссылкой на п.2,3 или 4 ст. 33 УК РФ.

Тот же вопрос касается лиц, формально не являющимися руководителями организаций. Номинальное руководство не будет являться также основанием для освобождения лица от уголовной ответственности в случае совершения им действий, характеризующимися как преступные, согласно ст. 195, 196 и 197. Если виновный фактически допущен к выполнению организационно – распорядительных и административно – хозяйственных функций, этого достаточно для признания его специальным субъектом, уполномоченным на совершение решений по «криминальной» процедуре банкротства. В конечном итоге, стоит помнить, что согласно ст. 16 ТК РФ трудовые отношения между работником и работодателем возникают на основании фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя. Для вменения уголовной ответственности необходимо доказать лишь объективные признаки выполнения работником трудовой функции.

В статьях о банкротстве законодатель не разграничил понятия учредитель и участник юридического лица. Обратившись к ГК РФ, становится понятно, что учредитель – субъект, указанный в документах при учреждении организации, т.е. юридическое или физическое лицо, являющееся инициатором решения о создании предприятия. Впоследствии каждый учредитель становится участником, а вот состав участников, т.е. лиц, принимающих участие в организации, может постоянно меняться, и стать учредителями они смогут только после занесения соответствующих изменений в регистрационные документы. Учредителями и участниками могут являться и юридические и физические лица, однако юридические лица не могут быть субъектами уголовной ответственности, а поэтому под субъектами в данном случае стоит понимать только физических лиц всех участников, всегда включающих учредителей.

Особого внимания заслуживает и индивидуальный предприниматель [2, 41-90]. Прежде всего, согласно ст. 23 ГК РФ индивидуальный предприниматель вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента регистрации. Однако даже в том случае, когда гражданин нарушил правила требования о регистрации, он не вправе ссылаться на то, что не является предпринимателем. А поэтому суд может применить к таким сделкам правила ГК РФ. В противовес этому выступает Постановление Арбитражного Суда [3]: «Гражданин, занимающийся предпринимательской деятельностью, но не прошедший государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, не приобретает в связи с занятием этой деятельностью статуса предпринимателя», а поэтому согласно нормам ГК к нему не может быть применена статья уголовного кодекса о нарушении правил процедуры банкротства.

Таким образом, в ходе анализа трех статей, становится очевидным, что список специальных субъектов в зависимости от обстоятельств и особенностей может быть дополнен. К таким субъектам можно отнести и индивидуального предпринимателя, осуществляющего деятельность с нарушением правил регистрации, а также внесен квалифицирующий признак в виде совершения преступления группой лиц по предварительному сговору. В целях усиления ответственности представляется возможным внесение новых субъектов преступления ввиду недопущения пробелов и учета всех возможных обстоятельств дела.

Список литературы

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017). Собрание законодательства Российской Федерации от 17июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» с изменениями и дополнениями, вступающими в силу в силу с 01.01.2017 года - собрание законодательства РФ (28.10.2002. № 43. Ст. 4190).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6 и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
4. Преднамеренное банкротство: проблемы квалификации и разграничения смежных составов преступлений. Ященко А.С. Вестник Брянского государственного университета. Выпуск № 3, 2015. С. 179–180.
5. Уголовное право Российской Федерации Особенная часть. Учебник. Издание второе исправленное и дополненное под редакцией доктора юридических наук, профессора, Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога и А.И. Чучаева. // Издательство «Инфра-М». Москва, 2008 год. С. 297–299.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ ПРИ ПРИНЯТИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Сторожева Е.С.

*Сторожева Елена Сергеевна – магистрант,
кафедра конституционного и муниципального права,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград*

Аннотация: в статье анализируется психологический аспект принятия судьей решения по существу судебного разбирательства. Приводятся факторы, влияющие на процесс принятия решения.

Ключевые слова: внутреннее убеждение, оценка доказательств, психологическая установка, судебное решение, судья.

Вынесению судебного решения принадлежит особе место среди прочих юридически значимых действий и актов применения права, так как именно в судебном акте находит отражение окончательная оценка судом обстоятельств дела, а также содержатся категоричные выводы по существу спора. В решении суда подводится логический итог всему предшествующему взаимодействию участников судопроизводства, принимается позиция одной из сторон. Ввиду этого вопрос о механизмах принятия судебных актов по праву занимает одно из ключевых мест в юридической психологии.

Анализируя природу принятия судебного решения, необходимо помнить, что данный процесс выступает частным случаем принятия решений. В психологии принятие решения рассматривается как волевой акт формирования действий, направленных на достижение цели. Процесс принятия решений основан на убежденности действовать в сложившихся условиях определенным образом, в соответствии с имеющейся мотивацией. Сложность принятия решений связана со степенью неопределенности ситуации, допускающей наступление неоднозначных последствий. Таким образом, принятие решения всегда сопряжено с выбором одного из возможных вариантов поведения.

Кроме того, процесс принятий решений судьями также обуславливается различными социально-психологическими факторами, свойственными юридической сфере. Анализ процессуального законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что при рассмотрении дел суд принимает решение на принципах гласности, состязательности, независимости, объективности, профессионализма судей и подчинения их только закону, оценки доказательств по внутреннему убеждению. При этом внутреннее убеждение судьи как явление, сочетающее в себе юридический, психологический и нравственный аспекты, вызывает заслуженный интерес в юридической науке.

Внутреннее убеждение означает состояние сознания и чувств, характеризующееся окончательной уверенностью в правильности принимаемого решения и готовностью действовать в соответствии с таковым. Внутреннее убеждение судьи представляет собой результат рационального познания обстоятельств дела, ценностного к ним подхода, их соотношения с нормами права и морали, чувственного переживания полученных результатов познания, сделанных на основе таковых выводов.

В психологическом аспекте существенным для процесса формирования убеждения является перерастание сомнения как последствия вероятностного знания в

убежденность, характеризующую достоверность полученных знаний и готовность действовать на их основе. Нравственная категория «закон» соединяется с категорией этики «совесть», обогащая друг друга новым смыслом и содержанием [4, с. 89].

Формирование внутреннего убеждения проходит несколько этапов в ходе судебного разбирательства. Н.Л. Гранат и Ю.Н. Погибко выделяют следующие этапы формирования убеждения: 1) познание фактов; 2) определение ценности; 3) принятие за истину; 4) принятие решения [1, с. 125]. В ходе судопроизводства каждый из этих этапов приобретает заметную специфику.

Суд при познании обстоятельств дела связан правилами доказывания, установленными в рамках соответствующего процесса. Особые сложности могут вызвать ситуации, когда суд может принять в качестве юридического факта лишь определенные законом виды доказательств и вынужден отклонять в качестве недопустимых сведения о фактах, не обладающие надлежащей формой, однако несущие в себе вполне определенную информационную составляющую. Яркими примерами могут выступать демонстрация в ходе слушания дела видеозаписи, осуществленной негласно с нарушением установленного законодательством об оперативно-розыскной деятельности порядка, либо представление новых документов по гражданскому делу на этапе кассационного производства, когда принятие таковых прямо запрещено законом. В указанных случаях судья не может сослаться на полученные таким путем сведения при объяснении мотивации принятого решения, однако они способны оказать заметное влияние на формирование внутреннего убеждения. Как отмечает С.Г. Караханян, внутреннее убеждение суда является составляющей процессуально-правового принципа свободы оценки доказательств [5, с. 292].

Следующим этапом формирования внутреннего убеждения выступает оценка судом доказательственной базы. Важной гарантией формирования судом собственного независимого мнения выступает принцип свободы оценки доказательств, в силу которого ни один вид доказательств не обладает заранее обязательной для суда силой. В этой связи у судьи появляется возможность в ситуации, когда доводы обеих сторон не бесспорны, принимать позицию одной из них на основе отдачи предпочтения одним доказательствам перед иными.

Ввиду этого на данной стадии формирования внутреннего убеждения весомое значение имеет фактор психологической установки. По данному поводу Т.Г. Морщакова отмечает, что психологическая установка предшествует всем, в том числе и познавательным, психическим процессам, влияет на их течение, направляет мышление субъекта в соответствии с определенными условиями, представляя собой готовность к определенной форме реагирования в различных видах деятельности [3, с. 7].

Таким образом, под влиянием обвинительной психологической установки судья может прийти к выводу о виновности подсудимого еще до начала судебного разбирательства, в дальнейшем лишь «подгоняя» оценку материалов дела под заранее сформулированные выводы, в результате чего судебное следствие утрачивает полноту и объективность.

Стойкая психологическая установка на обвинительный уклон, как правило, является следствием длительной психологической деформации и вряд ли может быть нейтрализована в ходе конкретного судебного разбирательства. Однако в тех случаях, когда такая установка судьи носит ситуативный характер, она может быть в заметной степени смягчена продуманным поведением стороны защиты. Представление материалов, пусть прямо и не относящихся к предмету доказывания, но положительно характеризующего личность подсудимого, привлечение к рассмотрению дела общественного мнения, позитивно или, по крайней мере, неоднозначно настроенного к обвиняемому, выявление в его биографии качеств, которые могут вызвать уважение либо сострадание у любого среднестатистического человека, способны оказать влияние на процесс формирования внутреннего убеждения судьи и нейтрализовать изначальную обвинительную установку.

Собранные по делу доказательства в результате их оценки формируют в сознании судьи целостную картину, которую он принимает за истину при вынесении решения. Как отмечает Ю.М. Грошевой, по итогам оценки доказательств судья убежден в достоверности своего вывода и не допускает возможности сделать противоположный вывод [2, с. 37].

Однако не всегда обстоятельства спора являются настолько очевидными, чтобы судья не испытывает ни малейших сомнений в правильности сделанных им выводов. В таких ситуациях важной гарантией обеспечения законности является неукоснительное следование суда процессуальным презумпциям, нашедшим отражение в действующем законодательстве, прежде всего, презумпции невиновности подсудимого.

Данные презумпции позволяют «заполнить информационный вакуум» и тем самым сместить чашу весов при оценке доказательств в ту или иную сторону, если у суда возникают неустраняемые сомнения в достоверности и достаточности, собранных по делу доказательств. Следование законодательно установленной презумпции также позволяет снизить груз нравственной ответственности за принимаемое судом в условиях неочевидности решение, что также способно выступать значимым психологическим фактором при формировании внутреннего убеждения.

Окончательное формирование судом позиции по делу во всех видах судопроизводства происходит в совещательной комнате в обстановке тайны совещания судей. Данное положение призвано исключить влияние каких-либо посторонних психологических факторов на формирование внутреннего убеждения судьи на финальном этапе.

Еще одной гарантией беспристрастности судей при принятии ими решений выступает правило, согласно которому при коллегиальном рассмотрении дела председательствующий по делу судья, который зачастую также обладает административными функциями председателя соответствующего судебного состава, высказывает мнение последним.

Данная норма призвана исключить влияние на процесс совещания судей факторов группового межличностного взаимодействия в рамках судейской коллегии, под влиянием которых судьи могли бы принять позицию председательствующего, не высказывая свои собственные соображения, идущие в разрез с его мнением.

Стоит отметить, что на процесс принятия судом решения в совещательной комнате, тем не менее, могут влиять самые различные внешние обстоятельства. Так, если судья вынужден принимать решение по сложному многоэпизодному делу в условиях высокой нагрузки по иным делам и обусловленного этим дефицита времени, это может негативно сказаться на качестве формулирования им конечных выводов в совещательной комнате. Именно в таких ситуациях для судьи наиболее велик соблазн «переписать» обвинительное заключение только потому, что мотивированное опровержение позиции стороны обвинения может потребоваться гораздо больше времени. Бесспорно, указанная аргументация совершенно не согласуется с принципами правосудия, однако может оказывать на судью психологическое влияние.

В этой связи представителя сторон следует помнить, что удалению суда в совещательную комнату должно предшествовать всестороннее исследование материалов дела в ходе судебного разбирательства, когда стороны могут ответить на все возникшие в суда вопросы и тем самым способствовать правильному восприятию доказательственной базы.

Особенно важным в этом контексте становится принцип заблаговременного раскрытия сторонами доказательств по делу, нашедший прямое отражение в гражданском и арбитражном процессе. Если у судьи будет возможность ознакомиться с позицией и правовой аргументацией стороны уже в ходе исследования доказательств, а не непосредственно перед удалением в совещательную комнату, это позволит ему произвести критическую оценку полученной информации, сопоставить ее с имеющимися в материалах дела доказательствами. В результате этого

вероятность правильного восприятия и осознания важности судом доводов стороны существенно повысится, что может повлиять на решение по существу спора.

Таким образом, внутреннее убеждение судьи представляет собой результат сложного многоэтапного психологического процесса, на который могут влиять различные правовые, психологические и организационные факторы. Способность эффективно оказать воздействие на данный процесс с использованием предусмотренного действующим законодательством процессуального инструментария является одним из ключевых аспектов профессионального искусства юриста.

Список литературы

1. Гранат Н.Л., Погибко Ю.Н. Внутреннее убеждение в структуре криминалистического мышления // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. М., 1972. С. 125-143.
2. Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. 144 с.
3. Морицакова Т.Г. Психологические истоки судебных ошибок и внутреннее убеждение судей // Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. М., 1975. 299 с.
4. Шабанов П.Н., Сыщикова Т.М. Закон совести // Судебная власть и уголовный процесс, 2015. № 4. С. 88-93.
5. Караханян С.Г. Теория аргументации и проблема убеждения в суде // Известия Московского государственного технического университета МАМИ, 2013. № 4. С. 292-298.

ТЕОРИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ **Савастлеев А.А.**

*Савастлеев Андрей Андреевич – студент магистратуры,
юридический факультет,*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Российский государственный университет правосудия
Приволжский филиал, г. Нижний Новгород*

Аннотация: в статье анализируются исторический аспект административной юрисдикции, дальнейшее развитие административной юрисдикции.

Ключевые слова: анализ, юриспруденция, административная юрисдикция, административное право.

УДК 342.565.4

До принятия Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [1] нормативное регулирование административного процесса и производства по делам об административных правонарушениях не имело единой концепции. Как отмечает Гречкина О.В. [2, с. 19-25], понятие административной юрисдикции на сегодняшний день не имеет правового закрепления в законодательстве. В связи с этим правоведа выделяют проблему соотношения административной и судебной административной юрисдикции. Необходимо отметить, что с момента принятия Кодекса об административном производстве в него внесено несколько изменений, которые нуждаются в системном анализе [3].

Проблемы дореволюционного развития административного права и административного процесса лежали в основе трудов Н.М. Коркунова, П.Н. Гуссаковского, Н.И. Лазаревского, Ф.М. Дерюжинского, С. А. Корфа. Они

изучали проблемы административного процесса, уделяли основное внимание проблемам административного судопроизводства в России, анализировали развитие административной юстиции в европейских странах и ее формы

Историография развития теории административной юрисдикции после революции 1917 года была сложной. Хотелось бы отметить диссертацию Рустамовой С.М. [4, с. 20], посвященную анализу нормативно-правовых актов 1861-1917 годы, где особое внимание уделяется проекту о создании административных судов в Российской империи. В период с 1917 по 1922 административное право отсутствовало как таковое. В сороковых годах XX века происходит возрождение науки в виде советского административного права. Появляются работы таких ученых как В.А. Власов, И.И. Евтихеев, Г.И. Петров, С.С. Студеникин.

После принятия Конституции РФ 1993 г. было издано много научной и учебной административно-правовой литературы. Изучением административной юрисдикции, вопросами административного процесса, занимались А.Б. Агапов [5, с. 820], И.Н. Барциц [6, с. 22], Д.Н. Бахрах [7, с. 816] и другие.

Среди новейших статей, посвященных проблемам теории административной юрисдикции необходимо отметить статьи Андриянова В.Н. [8, с. 521], Гречкиной О.В. [9, с. 254], Зеленцова В.А. [10, с. 23-24], Старилова Ю.Н. [11, с. 31-38]. Среди нижегородских ученых следует отметить, что вопросам совершенствования законодательства об административном производстве особое внимание уделяет Субботин А.М. [12, с. 31].

Анализ законодательства и литературы позволяет сделать вывод о том, что административную юрисдикцию трактуют как деятельность во *внесудебном* порядке (Бахрах Д.Н) или судебном порядке по поводу административно-правовых споров (Комлев С.В., Шергин А.П.), другие (Гречкина О.В.) отмечает, что правильно называть деятельность судов – административно-судебной юрисдикцией, а деятельность административных органов просто административной юрисдикцией. Рассмотрев трактовку данного понятия у других авторов, так же видим следующие разногласия – часть авторов под административной юрисдикцией видит только деятельность административных органов - Хаманева Н.Ю. (которая включает и нормотворчество), некоторые включают сюда и суд, другие авторы рассматривают под этим понятием только административно-правовые споры с административным принуждением, часть видит главной чертой именно внесудебное решение дел.

Говоря о *признаках* административной юрисдикции, в учебной литературе нами выявлена классификация наиболее общего типа: наличие правового конфликта, разрешение правового конфликта специально уполномоченным органом, далее деятельность юрисдикционных органов осуществляется в строго определенной процессуальной форме и решение, в форме юрисдикционного акта.

По вопросу основных *функций* административной юрисдикции существенных разногласий в литературе нет. Так, правоведами выделяются охранительная функция, регулятивная, воспитательная функция.

Среди форм административной юрисдикции, согласно мнению Щепкина Д.Ю., можно выделить судебную юрисдикцию (юрисдикцию судов общей юрисдикции, арбитражную юрисдикцию, юрисдикцию мировых судов) и несудебную административную юрисдикцию (дисциплинарную, таможенную, исполнительную)

Анализируя роль Кодекса об административном производстве в отечественном законодательстве можно выделить различные точки зрения. Так, А.Б. Зеленцов отмечает, что произошло формирование новой отрасли российского права — судебного административного права, профессор считает, что КАС РФ повлечёт за собой существенные перемены в материальном административном праве. Как отмечает Хатуаев В.У. говорить о появлении новой отрасли права как состоявшемся факте, представляется несколько преждевременным. КАС РФ должен ещё отстоять свою жизнеспособность, претерпеть проверку практикой,

подкрепиться новыми или качественно обновлёнными правовыми актами, в том числе в сфере административных производств.

Анализируя перспективы развития административной юрисдикции можно сделать следующие выводы. Действие КАС РФ обеспечит дальнейшее развитие административно-процессуальной формы, основные контуры которой сегодня зафиксированы в данном процессуальном законе. КАС РФ – система процессуальных норм, принципов, правил, которые дают возможность для формирования новых научных представлений и теоретической модели административного процесса как судебного процесса.

В рамках перспектив необходимо создать административно-процедурное законодательство, устанавливающее порядок осуществления публичного управления, принятие административных актов (административные процедуры). В обозримом будущем практика деятельности судов общей юрисдикции будет способствовать развитию процедурного административного законодательства. Необходимо отметить и мнение Орлова А.В. о том, что КАС весьма далек от идеала: не завершён методологически, нагромождён во многом искусственными по своей правовой природе нормами, институтами и конструкциями. Кодекс объективно нуждается в совершенствовании, хотя, несомненно, положительно решает ряд правовых задач для цели дальнейшего развития административного судопроизводства.

Список литературы

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СЗ РФ, 2015. № 10. Ст. 1391.
2. *Гречкина О.В.* Административная судебная юрисдикция: современное состояние и перспективы развития // Административная юстиция и административная юрисдикция: вопросы теории и практики. М.: МГЮА, 2014. С. 19-25.
3. Собрание Законодательства РФ. № 47, 2015 г. Ст. 6525 № 28, 2016 г. Ст. 4635.
4. *Рустамова С.М.* Формирование органов административной юстиции в России в пореформенное время, 1861 - 1917 годы: Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2000. 20 с.
5. *Агапов А.Б.* Административное право: учебник. М.: Издательство: Юрайт, 2011. 820 с.
6. *Барциц И.Н.* Правовое регулирование административных процедур // Государственная служба, 2009. № 2. 22 с.
7. *Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н.* Административное право. М.: Норма, 2008. 816 с.
8. *Андрянов В.Н.* Сущность и принципы административного судопроизводства: узаконенная модель // известия Иркутской государственной экономической академии. Выпуск № 3. Том 25, 2015. С. 521.
9. Административная судебная юрисдикция: современное состояние и перспективы развития. М.: МГЮА, 2014. 254 с
10. *Зеленцов А.Б.* Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации как предпосылка смены парадигмы в теории административного права // Административное право и процесс, 2015. № 11. С. 23-24.
11. *Стариков Ю.Н.* Судебный нормоконтроль и административное судопроизводство в системе модернизации административного и административно-процессуального законодательства // Мировой судья, 2015. № 4. С. 31-38.
12. *Субботин А.М.* Проблемы совершенствования законодательства об административном судопроизводстве // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2015. № 3 (31).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ПРИНЦИПЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОХОДОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЕ

Дерен Ю.Г.

*Дерен Юлия Геннадьевна – магистрант,
кафедра финансового права и таможенной деятельности,
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир*

Аннотация: в статье анализируется определение принципов налогообложения, реализация которых необходима для повышения эффективности системы обложения НДФЛ в российской налоговой системе.

Ключевые слова: налоговый принцип, налогообложение, физическое лицо.

Основным направлением деятельности государства выступает решение социальных вопросов, обеспечивающих благополучие граждан и стабильное экономическое развитие. Постоянно развивающаяся налоговая система, основанная на принципах налогообложения, является основным инструментом доходов бюджета, действенным инструментом регулирования социально-экономических отношений, признаком сильного демократического государства. Принципы налогообложения, в свою очередь, выступают гарантом эффективности самой налоговой системы.

Исследование и анализ классических принципов налогообложения позволили сформировать систему, состоящую из трех групп. Предлагаемая система принципов включает в себя: общеметодологические принципы налогообложения, закрепленные в законодательных актах Российской Федерации – Конституции РФ и НК РФ. На указанных принципах должно основываться построение всех налогов, применяемых в России. Вторую группу составляют принципы формирования системы налогообложения физических лиц: эффективности, баланса интересов, множественности налогов и их правильной комбинации в системе обложения физических лиц, гласности. Третья группа – исключительные принципы, которые присущи только системе обложения НДФЛ. Это принципы соразмерности, оптимального уровня налоговой нагрузки, сочетания стабильности и подвижности налогообложения, формирования налоговой культуры.

Методологической основой построения налоговой системы государства выступают принципы налогообложения, которые определяют направления налоговой политики, состав механизмов и инструментов налогового регулирования, прямо влияющих на хозяйственную активность и финансовое состояние организаций, уровень жизни физических лиц и их возможность участия в инвестировании инновационного развития российской экономики. Совершенствование теории и практики реализации принципов налогообложения является одним из ключевых аспектов развития налоговой системы в Российской Федерации, в которой важное место отводится федеральному налогу на доходы физических лиц, формирующему доходную часть региональных и местных бюджетов [2].

В Российской Федерации налогообложение доходов физических лиц регулируется Налоговым кодексом Российской Федерации (далее – НК РФ). В соответствии со ст. 207 НК РФ налогоплательщиками налога на доходы физических лиц признаются физические лица: являющиеся налоговыми резидентами РФ; не являющиеся налоговыми резидентами РФ, но получающие доходы от источников в РФ [1].

Налоговые резиденты РФ уплачивают налог с дохода, полученного от источников в Российской Федерации и (или) за ее пределами. Лица, не являющиеся налоговыми резидентами РФ, обязаны уплачивать налог только с того дохода, который получен от источников в Российской Федерации.

Экономические отношения человека и государства определяет принцип постоянного местопребывания (резидентства). Согласно данному принципу налогоплательщиков подразделяют: на лиц, имеющих постоянное местопребывание в определенном государстве (резиденты); лиц, не имеющих в нем постоянного местопребывания (нерезиденты). Налоговые резиденты несут полную налоговую обязанность перед государством своего резидентства. Они обязаны платить налог с доходов, полученных где бы то ни было, - как из источников на территории государства своего резидентства, так и на территории любой другой страны. Возникшее двойное налогообложение устраняется международными договорами об избежании двойного налогообложения, если такие договоры заключены между государствами.

Принципы налогового права представляют собой основополагающие, нормативно закреплённые требования, которые определяют направленность его формирования, функционирования и развития; в них отражаются его сущность и социальное назначение. В научной литературе регулярно высказывается мнение о том, что главной идеей, определяющей содержание и развитие налогового права, а также его принципы, выступает справедливость. При этом справедливость налогообложения рассматривается как первостепенный принцип, от которого уже производны все иные принципы налогового права, в том числе социальная справедливость, через которые, в свою очередь, раскрывается его содержание. Учитывая, что социальная справедливость является одним из основных принципов социального государства и производным от общеправового принципа справедливости, идея справедливого налогообложения может выступать как важнейший ориентир социально направленного развития налогового права в целом и его принципов в частности [3].

В Российской Федерации в настоящее время реформирование налога на доходы физических лиц отстает от принципа справедливости в налогообложении, и об этом свидетельствует следующее: отсутствие связи между налоговыми вычетами и прожиточным минимумом; сохраняется высокая дифференциация населения по уровню доходов и значительный масштаб бедных слоев; наблюдается тенденция к сокращению списка льготных категорий налогоплательщиков; плоская ставка налога для всех плательщиков и ряд других факторов [4].

Исходя из сказанного, можно утверждать, что анализ российской налогово-правовой политики в современных условиях с одной стороны позволяет сделать вывод о соответствии отдельных ее аспектов некоторым принципам социального государства и принципам, действующим в налоговом праве. В то же время вопросы формирования и реализации социально ориентированной налогово-правовой политики требуют дальнейшего исследования и реализации в действительности. В первую очередь, необходимо справедливое распределение государством налоговой нагрузки на население и бизнес и одновременно с этим, стимулирование их к ответственному, а значит и социально значимому поведению; повышение их заинтересованности в активной созидательной деятельности, приводящей к социальной стабильности и росту благосостояния всего общества; широкое использование налогово-правовых стимулов социальной направленности, требующих последовательного законодательного совершенствования; дальнейший приоритет в законодательстве о налогах и сборах социальных факторов.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации.
2. Налоги и налоговая система Российской Федерации: учебник и практикум для академического бакалавриата / под науч. ред. Л.И. Гончаренко. М.: Издательство Юрайт, 2015. 541 с. Серия: Бакалавр. Академический курс.
3. Пансков В.Г. Налоги и налогообложение. Практикум: учебное пособие для вузов / В.Г. Пансков, Т.А. Левочкина. М.: Издательство Юрайт, 2015. 319 с. Серия: Бакалавр. Академический курс.
4. Лыкова Л.Н. Налоги и налогообложение: учебник и практикум для СПО / Л.Н. Лыкова. М.: Издательство Юрайт, 2015. 353 с. Серия: Профессиональное образование.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сапончик Е.А.

*Сапончик Елизавета Александровна – студент магистратуры,
программа: немецкое и российское право, юридический факультет,
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск*

Аннотация: в данной статье рассмотрены проблемы применения некоторых положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) при привлечении к административной ответственности. Проанализированы особенности подхода, используемого Европейским судом по правам человека (далее - ЕСПЧ) в делах о привлечении к административной ответственности, рассмотрены критерии, определяющие возможность применения соответствующих положений Конвенции к делам, возникающим из административных правоотношений. На основе проведенного исследования автор делает вывод о влиянии подхода ЕСПЧ, прежде всего, на процессуальную сторону осуществления государственно-властных полномочий в контексте публичного обвинения.

Ключевые слова: административное правонарушение, дело «Энгель и другие против Нидерландов», дело «Озтюрк против Германии», дело «Каспаров и другие против России», Европейский суд по правам человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, критерии Энгеля.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора¹. Аналогичное положение отражено в Кодексе об административных правонарушениях РФ, а именно в ч. 2 ст. 1.1². Как очевидно из приведенных норм, изучение вопросов

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html/> (дата обращения: 10.05.2017).

² Кодекс об административных правонарушениях РФ от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 17.04.2017). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&/> (дата обращения: 10.05.2017).

привлечения к административной ответственности невозможно без рассмотрения значимых международно-правовых актов.

Важнейшим международным договором в этой сфере является Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., ратифицированная в том числе Российской Федерацией¹. Целью Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) является создание механизма защиты личности от неправомерных действий государства, а также формирование позитивной обязанности государства по созданию и поддержанию условий, необходимых для реализации требований Конвенции. Исполнение приведенных обязанностей относится к управленческой деятельности государства в публичной и частной сферах².

Следует отметить, что такой термин, как административное правонарушение, вообще не используется в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Что касается различных процессуальных гарантий (право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, право на защиту, презумпция невиновности), то, согласно тексту Конвенции, они относятся только к уголовно-правовой сфере³. Означает ли это, что Конвенция не применима к делам, возникающим из административных правоотношений? Едва ли возможно представить ситуацию, при которой дела, возникающие из административных правоотношений, были бы полностью выведены из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (далее - Суд).

В настоящее время Судом разработан особый подход применения Конвенции к сфере административных правоотношений.

Чаще всего лица, подвергшиеся административному наказанию, ссылаются на то, что порядок привлечения к административной ответственности противоречил требованиям ст. 6 Конвенции, устанавливающей важнейшие гарантии для обвиняемого⁴. Поэтому центральным является вопрос о применимости ст. 6 Конвенции в делах об административных правоотношениях.

Стандартное возражение государства-ответчика по жалобам из административных правоотношений основывается на *ratione materie*, то есть на неотнесимости разбирательства по административному делу к ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. На приведенные доводы Европейский суд возражает следующим образом: «Если бы Договаривающиеся Государства могли по своему усмотрению квалифицировать правонарушение как дисциплинарное вместо уголовного или преследовать исполнителя «смешанного» правонарушения на дисциплинарном, а не на уголовном уровне, действие основных положений статей 6 и 7 было бы подчинено их суверенной воле. Такое расширение могло бы привести к результатам, несовместимым с целями и задачами Конвенции. Поэтому Суд в соответствии со статьей 6 и даже без ссылки на статьи 17 и 18 вправе убедиться в том, что дисциплинарное никоим образом не заменяет уголовное».

С целью установления применимости ст. 6 Конвенции к административным делам, Европейский суд выработал совокупность критериев. Из решений Европейского суда

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 10.05.2017)

² Панова И.В. Административное право в актах Европейского суда по правам человека // Закон, 2012. № 2. С. 35-48.

³ Бахрах Д.Н., Бурков А.Л. Конвенция о защите прав человека и основных свобод в российском законодательстве и практике рассмотрения административных дел // Журнал российского права, 2010. № 6 (162). С. 67-77.

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 10.05.2017).

(дело Адольф против Австрии) следует, что понятие «уголовное обвинение», используемое в ст.6 Конвенции, имеет автономное значение и не зависит от классификаций в национальных юридических системах государств-членов¹. Таким образом, правонарушения, квалифицированные в национальном праве как административные, в значении Конвенции могут подпадать под понятие «уголовного» преступления. Как подчеркивает Суд, оставление на усмотрение государств исключения этих правонарушений из области действия Конвенции было бы несовместимым с ее целями и задачами.

Чтобы более подробно рассмотреть все критерии, следует обратиться к основополагающему делу «Энгель и другие против Нидерландов»². Именно в решении по данному делу впервые были выработаны исследуемые критерии.

Прежде всего, надлежит выяснить, принадлежат ли соответствующие правовые нормы к уголовному или к административному праву, или к тому и другому одновременно. Это лишь отправной и далеко не главный критерий. Как говорит Суд в решении по делу «Энгель и другие против Нидерландов», эти данные имеют лишь формальную и относительную ценность и должны быть изучены в свете общего знаменателя, выводимого из законодательств различных государств-участников.

Вторым критерием является характер правонарушения. Данный критерий имеет намного более важное значение. При этом рассматриваются следующие вопросы: общеобязательность нормы, рассмотрение дело государственным правоохранительным органом, компенсационный или карательный характер примененной меры ответственности, зависит ли наложение наказания от установления факта вины, влечет ли правонарушение судимость, а также классификация правонарушения в других государствах-участниках Конвенции.

Третий критерий - степень суровости потенциального наказания. К примеру, в деле «Энгель и другие против Нидерландов» заявитель был подвергнут предварительному аресту длительностью в два дня. Европейский суд отказался отнести данное наказание к сфере уголовного права, поскольку, по мнению Суда, оно было слишком коротким. Кроме того, по окончании судебного процесса заявитель не мог быть подвергнут лишению свободы, поскольку, согласно позиции национального суда, он уже отбыл его во время предварительного ареста.

Что касается практического применения перечисленных критериев, то может быть применен как альтернативный, так и кумулятивный подход. Так, обычно достаточно наличия одного из критериев. Тем не менее, если альтернативный подход не позволяет сделать однозначный вывод, то может быть применен кумулятивный подход. Данный вывод был сделан Европейским судом в решении по делу «Лутц против Германии»³.

Впоследствии три «критерия Энгеля» получили свое развитие путем распространения «уголовной» сферы на административные правонарушения. С точки зрения Европейского суда такие правонарушения относятся к нарушению норм универсального характера, то есть к «уголовной» сфере.

¹Решение Европейского суда по правам человека по делу «Адольф против Австрии» от 26.03.1982. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-57417&filename=001-57417.pdf&TID=thkbhnlzk/> (дата обращения: 10.05.2017).

² Решение Европейского суда по правам человека по делу «Энгель и другие против Нидерландов» от 08.06.1976 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461444/2461444.htm> (дата обращения: 10.05.2017).

³ Решение Европейского суда по правам человека по делу «Лутц против Германии» от 25.08.1987. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461415/2461415.htm/> (дата обращения: 10.05.2017).

В настоящее время Европейский суд использует данные критерии для установления применимости норм ст. 6 Конвенции к делам, возникающим из административных правоотношений.

Чтобы лучше понять, каким образом Европейский суд проводит различие между административными правонарушениями и уголовными преступлениями, следует рассмотреть некоторые известные решения Суда.

В частности, интерес представляет дело Озтюрка против Германии. Заявитель, находясь за рулем своего автомобиля, оказался виновным в дорожно-транспортном происшествии, причинив ущерб другому автомобилю в размере 5 000 марок. По Закону об административных правонарушениях, за нарушение правил дорожного движения с Озтюрка был взыскан штраф в размере 60 марок. Заявитель обжаловал данное решение властей в суд. В заключение слушаний, где Озтюрку была оказана помощь переводчика, заявитель отозвал свой иск. Суд вынес определение, что том, что Озтюрк должен нести судебные расходы, а также гонорар переводчика¹.

Европейский суд должен был решить, был ли заявитель лишен права на бесплатную помощь переводчика в нарушение ст. 6 Конвенции. Как было упомянуто ранее, действие данной статьи распространяется лишь на уголовные правонарушения.

В своем решении Суд вновь подтвердил «автономию» термина «уголовный» и затем рассмотрел вопрос о том, является ли данное административное правонарушение с точки зрения Конвенции. Суд использовал критерии, сформулированные в деле Энгеля.

С точки зрения немецкого права, заявителем было совершено административное правонарушение. Однако, как подчеркивает Суд, этот факт имеет лишь формальную и относительную ценность. Сама же природа правонарушения, рассматриваемая в связи с налагаемым наказанием, более существенна. Суд установил, что правонарушения по уголовному праву имеют тенденцию становиться такими правонарушениями, за которые налагаются штрафы и лишение свободы. Кроме того, в значительной части государственных участниц данное правонарушение продолжает квалифицироваться как уголовное.

Что касается санкций, то в этом случае они носят репрессивный и предупреждающий характер, что позволяет рассмотреть совершенное правонарушение как уголовное в свете Конвенции. Таким образом, Озтюрку не была предоставлена гарантия бесплатной помощи переводчика, предусмотренная ч. 3 «е» ст. 6 Конвенции в случае предъявления лицу уголовного обвинения.

Множество дел об административных правонарушениях были обжалованы российскими гражданами в Европейском суде. Одним из них является дело Каспаров и др. против Российской Федерации².

Первый заявитель, Каспаров, был задержан и доставлен в отдел милиции. В день задержания он предстал перед мировым судьей. Ему было предъявлено обвинение в нарушении установленного порядка проведения общественных мероприятий: правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 20.2 КоАП. Слушание дело было назначено на 17.30 того же дня. Заявитель подал два ходатайства об отложении заседания, чтобы иметь возможность качественно подготовить позицию защиты. Оба ходатайства были отклонены на том основании, что дело имело незначительный объем (5 страниц). Судья отложила дело сначала на 45 минут, затем еще на 20 минут.

¹ Решение Европейского суда по правам человека по делу «Озтюрк против Германии» от 21.02.1984. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/oztyurk-protiv-germanii-ozturk-v-germany-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 10.05.2017).

² Решение Европейского суда по правам человека по делу «Каспаров и другие против Российской Федерации» от 01.10.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://european-court.ru/tag/kasparov-and-others-v-russia/> (дата обращения: 10.05.2017).

В 18.30 судья приступила к изучению материалов дела. Адвокат заявителя ходатайствовала о допуске общественности в зал судебного заседания.

Тем не менее, никто не смог попасть на судебное заседание, поскольку здание суда было оцеплено милицией. Судья удовлетворила ходатайство, постановив, что дело проводится публично.

В начале заседания заявитель ходатайствовал о вызове и допросе шести свидетелей. Судья также отклонила ходатайство, поскольку, по ее мнению, преждевременно вызывать свидетелей до опроса заявителя и сотрудников милиции. После опроса сотрудников милиции заявитель вновь ходатайствовал о вызове свидетелей. Ходатайство вновь было отклонено, на том основании, что указанные лица не упомянуты в милицеском протоколе, и что обстоятельства достаточно ясны, чтобы разрешить дело.

Позже заявитель попытался обжаловать решение о привлечении его к административной ответственности, но апелляционная инстанция оставила решение в силе. Заявитель был вынужден обратиться в Европейский суд, с жалобой на нарушении ч. 1, ч. 2 «b», «d» ст. 6 Конвенции.

Анализируя приемлемость жалобы, Суд вновь обратился к трем критериям. Во-первых, нарушения порядка проведения публичного мероприятия относятся к административному праву, однако в некоторых правовых системах она включается в себя некоторые правонарушения, носящие уголовный характер, но слишком тривиальные, чтобы регулироваться нормами уголовного права.

В таких случаях определение национального законодательства не является решающим, намного важнее сама природа правонарушения. Ст. 20.2 КоАП, предусматривающая ответственность за участие в несанкционированном публичном мероприятии, касается нарушений против общественного порядка и для регулирования любых публичных мероприятий. Правовая норма, нарушенная заявителем, касается всех граждан, а не определенной группы с особым статусом. Так, Суд пришел к выводу, что правонарушение носит общий характер.

Суд обратил внимание, что заявитель был оштрафован на максимальную сумму, эквивалентную 25 евро, а это максимальное наказание по данной статье. По своему характеру это вовсе не материальная компенсация, а средство сдерживания и наказания. Это характерно для уголовного наказания.

Суд отметил, что заявитель был задержан и провел в отделении милиции более двух часов. Если нужно определить, относится ли дело к уголовной сфере, то особое значение приобретает любая форма лишения свободы. Заявитель был подвергнут административному задержанию по ст. 27.3 КоАП, а она имеет более сильные уголовные коннотации, чем ст. 27.2 КоАП.

Учитывая приведенные аргументы, Суд отнес совершенное правонарушение к «уголовной» сфере. Жалоба была признана приемлемой.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, Суд позволяет государствам устанавливать различие между уголовным и административным правом. В силу этого позиция Суда не означает принципиального неприятия им административных правонарушений. Тем не менее, большинство административных дел остаются в «уголовной сфере».

Во-вторых, подход Европейского суда к пониманию административных правонарушений оказывает влияние, прежде всего, на процессуальную сторону осуществления государственно-властных полномочий в контексте публичного обвинения. В этом смысле квалификация Суда ограничивается лишь решением вопроса о принадлежности их к «уголовной» сфере для целей применения ст. 6 Конвенции.

Список литературы

1. Бахрах Д.Н., Бурков А.Л. Конвенция о защите прав человека и основных свобод в российском законодательстве и практике рассмотрения административных дел // Журнал российского права, 2010. № 6 (162). С. 67-77.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html/> (дата обращения: 10.05.2017).
3. Кодекс об административных правонарушениях РФ от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 17.04.2017). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch/> (дата обращения: 10.05.2017).
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 10.05.2017).
5. Панова И.В. Административное право в актах Европейского суда по правам человека // Закон, 2012. № 2. С. 35-48.
6. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Адольф против Австрии» от 26.03.1982. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=00157417&filename=001-57417.pdf&TID=thkbhnilzk/> (дата обращения: 10.05.2017).
7. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Энгель и другие против Нидерландов» от 08.06.1976. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461444/2461444.htm/> (дата обращения: 10.05.2017).
8. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Лутц против Германии» от 25.08.1987. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461415/2461415.htm/> (дата обращения: 10.05.2017).
9. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Озтюрк против Германии» от 21.02.1984. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/oztyurk-protiv-germanii-ozturk-v-germany-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 10.05.2017).
10. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Каспаров и другие против Российской Федерации» от 01.10.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://europeancourt.ru/tag/kasparov-and-others-v-russia/> (дата обращения: 10.05.2017).

«СКОРАЯ СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ»: ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕПЯТСТВОВАНИЕ АВТОТРАНСПОРТУ МЕДИЦИНСКИХ СЛУЖБ

Даньшов В.Э.¹, Ляшко Г.С.²

¹Даньшов Вадим Эдуардович – студент;

²Ляшко Глеб Станиславович – студент,
кафедра конституционного и административного права,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток

Аннотация: в данной статье анализируется проблема юридической ответственности за препятствование проезду на дорогах специальных транспортных средств, в частности автомобилей медицинских служб, предлагаются определенные пути решения, а также анализируется иностранный опыт в установлении ответственности за данные правонарушения.

Ключевые слова: «скорая помощь», непредоставление преимущества, штраф, *таран*, *move over law*.

Скорая помощь – механизм быстрого реагирования для оказания незамедлительной медицинской помощи, который всегда должен пользоваться приоритетом на дорогах. Однако, в современной России сложилась печальная ситуация с движением «карет неотложки». Многие водители, руководствуясь непонятными мотивами, учиняют препятствия медикам, тем самым, создавая потенциальную угрозу жизни пациента, нуждающегося в оказании медицинской помощи. Наиболее ярким случаем стал инцидент в Камчатской области, когда водитель автомобиля отказался пропустить скорую помощь в жилой зоне, что стало косвенной причиной смерти пациента, которого еще можно было бы спасти, если бы врачи прибыли вовремя [1].

Причем данный случай не является единственным [2]. Возросло количество ДТП с участием транспортных средств медицинской службы, новости о преграждении пути скорой помощи появляются чуть ли не каждый день. Кроме того, несущественность мер административного принуждения в отношении «автохамов» породила в обществе дискуссию о предоставлении специальных средств машинам экстренных служб на дорогах и усилении ответственности за учинение препятствий данным транспортным средствам. В связи с этим появилась необходимость проанализировать данные предложения и дать им правовую оценку, а также проанализировать методы борьбы с нарушителями в других странах.

Одной из первых инициатив, касающихся предоставления дополнительных прав медицинским бригадам на дороге, явилось предложение о наделении карет скорой помощи (а также и транспортных средств МЧС) правом таранить автомобили, которые «стоят на пути» экстренных служб [3]. Однако данная инициатива выглядит достаточно сомнительной в условиях российской действительности. С одной стороны, таран может не только освободить путь, но и вывести из строя сам автомобиль экстренной службы, учитывая современное состояние автопарка скорой помощи. С другой стороны, в чрезвычайных условиях при необходимости принятия быстрых решений водитель кареты может неправильно оценить обстановку и причинить вред транспортным средствам, не создающим препятствий. Кроме того, многие специалисты опасаются, что данная инициатива приведет к злоупотреблению страховых компаний, которые станут

задирать цены на страховые полисы до небес. Отрицательно воспринимают данную инициативу и сами водители карет скорой помощи.

Наиболее верной выглядит инициатива ужесточения ответственности за создание препятствий транспортным средствам экстренных служб. Так, на данный момент, существует норма, устанавливающая ответственность за данные нарушения – это статья 12.17. Кодекса об административных правонарушениях РФ «Непредоставление преимущества в движении маршрутному транспортному средству или транспортному средству с включенными специальными световыми и звуковыми сигналами», а именно часть вторая данной статьи, которая определяет ситуацию, когда преимущество не было предоставлено транспортному средству, имеющему нанесенные на наружные поверхности специальные цветографические схемы, надписи и обозначения, с одновременно включенным проблесковым маячком синего цвета и специальным звуковым сигналом. Наказание за данное деяние незначительно – административный штраф в размере 500 рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок от одного до трех месяцев [4].

Стоит признать, что данные меры административного принуждения не являются достаточными, особенно, когда считанные минуты разделяют пациента между жизнью и смертью. На наш взгляд, данное наказание стоило бы в разы увеличить. Некоторые эксперты, считают, что возможно увеличение штрафа до уровня наказания за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения – 30-50 тысяч рублей. Наказание в виде лишения права управления транспортным средством также необходимо ужесточить. Кроме того, возможно ужесточение ответственности за повторное нарушение.

Сходные механизмы решения данных проблем предусмотрены и в законодательстве иностранных государств. Так, на территории многих штатов США и провинций Канады существует специальное правило, называемое *move over law*. Данное правило предусматривает, что при наличии на дороге спецтранспорта (там это могут быть как автомобили полиции, пожарной службы, скорой помощи, так и дорожной службы, и иных служб), водителям необходимо переместиться на правую полосу проезжей части, а если это невозможно, замедлить движение до разумной скорости. Некоторые штаты предусматривают необходимость перемещения на правый край проезжей части и полной остановки транспортного средства при приближении, к примеру, автомобиля скорой помощи. К примеру, в штате Флорида, если сзади вы видите полицию, либо скорую помощь, закон требует от вас передвигания на правую полосу либо снижения скорости на 20 миль/ч ниже предельной скорости [5].

Ответственность за нарушение данных законов в зависимости от штата будет разной. Так, нарушение правила *move over law* может быть, как административным правонарушением, так и уголовным проступком (мисдиминор), в зависимости от штата. В зависимости от штата различается и размер наказания. Так, в штате Айова за нарушение рассматриваемого нами правила грозит только штраф 50 долларов, в том время как в штате Арканзас наказанием альтернативное – это либо штраф в размере 500 долларов, либо 90 дней заключения, либо 7 дней общественных работ. Вдобавок к данным наказаниям, лицо лишается водительской лицензии на 90 дней [6].

Кроме того, как в США и Канаде, так и в некоторых европейских странах предусмотрена система штрафных баллов. Так, к примеру, в Германии за непредоставление преимущества скорой помощи наряду со штрафом в 50 евро, начисляется 3 штрафных балла в копилку водителя [7].

На основании вышесказанного, мы можем сделать вывод, что на данный момент возможность внедрения иных мер борьбы с такими «автохамами» отсутствует. В данном случае, ужесточение административной ответственности, а также определенные изменения в вопросе уголовной ответственности являются единственными реальными мерами, которые должны быть использованы. Еще одним,

неправовым механизмом борьбы с такими действиями является широкое общественное порицание, поскольку данные поступки, прежде всего, нарушают моральные правила поведения, а одни лишь правовые механизмы борьбы с такими лицами, как показывает практика, неспособны предотвратить наглые выходы водителей. Как говорится – дуракам закон не писан.

Список литературы

1. На Камчатке конфликт водителей «скорой» и легкового автомобиля помешал врачам оказать помощь пациенту. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.1tv.ru/news/20170115/317849na_kamchatke_konflikt_voditeley_skoroy_i_legkovogo_avtomobilya_pomeshal_vracham_okazat_pomosch_patsientu/ (дата обращения: 11.05.2017).
2. «Скорая» идет на таран. Специальный репортаж. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=FNLhUA9CD-k/> (дата обращения: 11.05.2017).
3. Экстренный таран: россияне рассуждают о борьбе с водителями, которые не уступают дорогу МЧС и скорой помощи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topspb.tv/news/2017/01/17/ekstrennyj-taran-rossiyane-rassuzhdayut-o-borbe-s-voditelyami-kotorye-ne-ustupayut-dorogu-mchs-i-skoroy-pomoshi/> (дата обращения: 11.05.2017).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации, 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Florida Move Over Law. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dmvflorida.org/move-over-law.shtml/> (дата обращения: 25.04.2017).
6. Move over, America. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.moveoveramerica.com/> (дата обращения: 25.04.2017).
7. Каталог штрафов за нарушения правил дорожного движения Германии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://auto.germany.ru/pravo/buscatalog.html#OTHERS/> (дата обращения: 25.04.2017).

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ПРИЧИНЫ СУДЕБНЫХ ОШИБОК В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Скрипина С.В.

*Скрипина Светлана Викторовна – магистр,
кафедра гражданского процесса, факультет юриспруденции,
Санкт-Петербургская юридическая академия, г. Санкт-Петербург*

Аннотация: в исследовании определено понятие судебной ошибки на основании анализа ее основных признаков. Приводится классификация судебных ошибок по различным критериям. Делается вывод, что содержание судебной ошибки предопределяет юридическую характеристику меры ее устранения.

Ключевые слова: ошибка, признаки, классификация, содержание, причины.

Ошибка - это несоответствие между объектом-эталоном (идеей) и объектом-сущим. В этом смысле мы сталкиваемся с логическими, грамматическими, техническими, юридическими, медицинскими, математическими и иными ошибками. Ошибка предполагает познаваемость мира, различных явлений, особенно в юриспруденции, где все явления общественной жизни и поведение индивида сопоставляются с правовыми нормами. Ошибка предполагает заблуждение, непреднамеренное принятие неверных постулатов, отсутствие достоверных данных, разорванность в логике построения суждений и умозаключений.

Прямого указания, терминов, дефиниций по вопросу судебных ошибок в процессуальном законодательстве нет.

Судебная ошибка представляет собой результат процессуальной деятельности суда (судьи), связанный с неправильным восприятием, анализом или воспроизведением норм закона, отступлением от принципов правосудия, результатом чрезмерной дифференциации судебной системы и процессуального законодательства, повлекшие принятия судебного постановления, нарушающего права, свободы и интересы сторон и (или) других лиц, участвующих в деле [7, с. 25].

Судебную ошибку можно охарактеризовать, назвав её следующие признаки:

- Судебная ошибка представляет собой процессуальную деятельность, причем не любую, а неправомерную, но не содержащую признаков уголовно наказуемого деяния.
- Судебная ошибка - неправомерная процессуальная деятельность не всякого правоприменителя, а конкретного суда (судьи).
- Судебная ошибка отражается и фиксируется в процессуальном документе - судебном постановлении, в котором непременно должны содержаться основания для его отмены или изменения.
- В результате судебной ошибки нарушаются права, свободы и законные интересы субъектов правоотношений [8, с. 13].

Объем понятия «судебная ошибка» несколько иной, нежели объем понятия «основание к отмене (изменению)», и включает все неправильности, допускаемые в процессе; любое нарушение юридических предписаний ошибочно независимо от порядка его исправления. Суть анализируемого понятия заключается в указании на неправильность, ошибочность того или иного акта или действия суда и не зависит от процессуальных последствий, которые оно влечет. Кроме того, упущения и недочеты, которые управомочен устранить допустивший их суд, являются разновидностью незаконности судебных постановлений. Если они не будут своевременно устранены, то приобретают качество оснований к отмене и изменению решений. Следовательно,

любые непреднамеренные нарушения норм права независимо от их последствий следует признавать судебными ошибками.

Итак, понятие судебных ошибок включает следующие существенные признаки:

- совершаются субъектами процессуальной деятельности, уполномоченными рассматривать и разрешать дела, пересматривать и исполнять судебные постановления;
- представляют собой несоблюдение целевых установок судопроизводства;
- являются нарушением требований, определяющих правомерность процессуальной деятельности и судебных актов;
- все ошибки объективно противоположны;
- они устраняются правовыми средствами, которые реализуются в гражданском процессуальном порядке [6, с. 64].

На основании проведенного исследования можно определить ошибку судебного правоприменения как непреднамеренную объективно-противоправную деятельность суда, которая не соответствует установленным законом требованиям, в результате чего не достигаются цели судопроизводства, влекущие в случае установления наступление определенных юридических последствий для его участников.

Классифицировать судебные ошибки можно в соответствии со статьей 362 ГПК РФ, согласно которой основаниями для отмены или изменения решения суда являются:

1. Неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела.
2. Недоказанность установленных судом обстоятельств, имеющих значение для дела.
3. Несоответствие выводов суда, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела.
4. Нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права [5, с. 101].

Приведенные основания и являются разновидностью судебных ошибок. Во-первых, на законодательном уровне закреплена собственно возможность совершения судебной ошибки; во-вторых, законодателем предусмотрены специальные процессуальные средства, направленные на устранение судебных ошибок - изменение или отмена судебных постановлений в результате рассмотрения гражданских дел в апелляционном, кассационном и надзорном производстве.

Классификацию судебных ошибок представляется целесообразным проводить по разным основаниям.

- По отраслевому - ошибки могут быть материальными и процессуальными. Здесь определяется диалектическая зависимость негативного последствия, наступающего вследствие нарушения или невыполнения норм материального или процессуального права.

- По объективному восприятию и процессуальному реагированию - ошибки выявленные и латентные. Выявленные - ошибки, установленные судами апелляционной, кассационной, надзорной инстанций. Латентные, то есть скрытые ошибки не влекут ни отмену, ни изменение судебных постановлений, но они существуют и отрицательно воздействуют на итоги и авторитет правосудия.

- По личностным качествам судьи - заблуждение и наведенные ошибки. Заблуждение - наиболее распространенный вид судебных ошибок, поскольку «человеку свойственно ошибаться», то проще всего судебные ошибки рассматривать как заблуждение судьи, при этом опираясь на причины их совершения, связанные с пресловутым человеческим фактором.

- Наведенные ошибки - неправовые установки, исходящие от вышестоящих судов. Установку вышестоящего суда нельзя не выполнить, даже если она противоречит закону, видоизменяется с течением времени и колебанием линии правовой политики, проводимой в стране или отдельно взятом регионе [4, с. 332].

Среди причин и условий совершения судебных ошибок: сложность рассматриваемых дел; состояние нормативного материала; чрезмерную

загруженность судей; неблагоприятные условия профессиональной деятельности судей; недостаточный профессионализм судей; недобросовестное, халатное, а иногда преступное отношение судей к порученному делу; заблуждение судьи, связанное с профессиональными, человеческими, в том числе психологическими недостатками; установки вышестоящих судов, содержание которых видоизменяется по мере развития ситуации и течения времени.

Возможны и такие причины, как нарушение судом в процессе судебного разбирательства принципов судопроизводства, закрепленных в статье 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) «Осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон»; невыполнение судом функций, предусмотренных ч. 2 ст. 56 ГПК РФ и ч. 1 ст. 57 ГПК РФ; отклонение от принципа единообразия в правоприменении; применение судом нормы, не соответствующей Конституции РФ [1], [2].

Содержание судебной ошибки предопределяет юридическую характеристику меры ее устранения. Как правило, такие нарушения не влекут процессуально-правовой ответственности и ликвидируются различными мерами процессуально-правовой защиты (путем отмены ошибочного акта, восстановления нарушенного положения и др.), которые направлены на организацию законного и обоснованного разбирательства дела. Каждая допущенная ошибка негативно влияет на интересы правосудия, отражается на качестве рассмотрения и разрешения дел, препятствует достижению целей судопроизводства [3, с. 220].

При этом нарушения, допускаемые в судопроизводстве, могут ликвидироваться только правовыми средствами и лишь в процессуальном порядке.

Итак, термин «ошибка» определяется как «неправильность в действиях, мыслях», т.е. допущенные неправильные расчеты, суждения, несоблюдение технологии и т.д. В процессе отправления правосудия компонентами «неправильности» выступают знание закона, принципов правосудия, личные качества судьи, мыслительное творчество и другие действия, называемые в общем плане процессуальной деятельностью, деформация которой приводит к вышеописанным нарушениям в гражданском процессе, результатом чего и является неправосудное судебное постановление.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (в ред. от 21 июля 2014) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2009. № 4. Ст. 445; СЗ РФ, 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 05 февраля 2014) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1997. № 1. Ст. 1.
3. *Блазмирская И.В.* Исправление судебной ошибки в гражданском процессе как составная часть права на судебную защиту // Историческая и социально-образовательная мысль, 2014. Т. 6. № 6-2. С. 220.
4. *Гаджиагаев К., Мусаева Р.М.* Причины судебных ошибок в гражданском процессе, значение их устранения и предупреждения // Теоретико-правовые проблемы укрепления российской государственности: научные труды IV Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2010. С. 330-333.
5. *Глазкова М.Е.* Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Анкил, 2012.

6. *Еремина И.С.* Причины и условия совершения судебных ошибок (теоретический аспект) // Актуальные проблемы развития права и правоприменения в современных условиях: материалы научно-практической конференции, посвященной 20-летию Арбитражного суда Хабаровского края. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. С. 63-71.
7. *Пашин С.А.* Проблема судебной ошибки // Юридическая психология, 2007. № 2. С. 25.
8. *Сахнова Т.В.* Пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу: о сущности и законодательных противоречиях // Вестник гражданского процесса, 2014. № 1. С. 10-28.

РОЛЬ АПЕЛЛЯЦИОННОГО И КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ИСПРАВЛЕНИИ СУДЕБНЫХ ОШИБОК

Скрипина С.В.

*Скрипина Светлана Викторовна – магистр,
кафедра гражданского процесса, факультет юриспруденции,
Санкт-Петербургская юридическая академия, г. Санкт-Петербург*

Аннотация: *в исследовании характеризуется роль апелляционного и кассационного производства в исправлении судебных ошибок. Выделяется, что задача апелляционного производства избежать судебных ошибок в судебном акте к моменту его вступления в законную силу. Анализируется порядок принятия кассационной инстанцией решения с целью исправления ошибок с разграничением случаев изменения и отмены судебных актов.*

Ключевые слова: *апелляция, кассация.*

Пересмотр не вступивших в силу судебных актов осуществляется в порядке апелляционного производства. Пределы рассмотрения дела представляют собой рамки, в которых апелляционный суд осуществляет свою деятельность по повторному рассмотрению дела и проверке судебного акта. Пределы очерчивают поле, в границах которого апелляционная инстанция осуществляет свои полномочия. Прежде всего, пределы рассмотрения дела связаны с объектом апелляционного обжалования.

Положения, регулирующие пределы рассмотрения дела апелляционным судом, структурируются по двум критериям:

- тождественность дела, рассмотренного судом первой инстанции и рассматриваемого в суде апелляционной инстанции относительно заявленных требований (прежде всего это правило о недопустимости рассмотрения новых требований апелляционным судом);

- объем судебного акта суда первой инстанции, подлежащего проверке судом апелляционной инстанции.

В изменениях процессуального законодательства за последнее десятилетие прослеживается тенденция усиления принципов диспозитивности и состязательности, что свидетельствует о проводимой законодателем политике реализации частноправовой модели, предусматривающей минимальное вмешательство государства в частные интересы. Осуществляя правосудие, суд не может руководствоваться исключительно мнением участников спорного правоотношения, чтобы считать те вопросы, с решением которых они согласны, не нарушающими закон, права других лиц. Следует согласиться с тем, что «решение арбитражного суда

– это акт правосудия, которым защищаются как права сторон, других лиц, участвующих в деле, так и правопорядок в государстве [3, с. 174].

Только законное решение служит укреплению законности и правопорядка. Таким образом, ограничивать вмешательство государства, тем более по вопросам соответствия решения суда первой инстанции требованиям закона, вряд ли оправдано.

Суд является органом, осуществляющим правосудие, для чего он наделен властными полномочиями, поскольку в силу ст. 1 ФКЗ РФ от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» судебная власть осуществляется только судами [1], [2]. В то же время, при всей своей важности и силе, суд второй инстанции, в соответствии с действующим законодательством, оказывается в абсурдной ситуации. Видя имеющиеся в решении нарушения норм права, суд апелляционной инстанции не может их исправить, потому как стороны эту часть по каким-либо причинам, в том числе злоупотребляя своими правами, не обжаловали.

Особенность апелляционной инстанции проявляется и в том, что она является обязательной инстанцией, исчерпание которой требуется для дальнейшего обжалования дела. На необходимость исчерпания апелляционного способа обжалования для обращения в суд кассационной инстанции указывает и законодатель в ч. 1 ст. 273 АПК РФ и ч. 2 ст. 376 ГПК РФ, и ЕСПЧ, и Пленум ВС РФ. В Постановлении Пленума ВС РФ от 11.12.2012 № 29 разъясняется, что обращение в суд кассационной инстанции возможно, если были исчерпаны иные установленные ГПК РФ способы обжалования судебного постановления до дня вступления его в законную силу, под иными способами обжалования судебного постановления суда первой инстанции в данном случае следует понимать обжалование его в апелляционном порядке. На обязательность апелляционного производства указывает и Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 05.02.2007 № 2-П. Суд указал, что производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов – дополнительный способ обеспечения правосудности судебных актов, который предполагает возможность его использования только в случае, если заинтересованным лицом были исчерпаны все обычные (ординарные) способы обжалования. Вступившие в законную силу судебные акты могут быть исправлены только в исключительных случаях, что обуславливает перенос основного бремени пересмотра решений суда первой инстанции на обычные (ординарные) судебные инстанции. Допущенные в ходе рассмотрения дела судебные ошибки должны быть исправлены до вступления решения в законную силу, то есть в апелляционном порядке.

Таким образом, задача апелляционного производства – не допустить (максимально) наличие судебных ошибок в судебном акте к моменту его вступления в законную силу, то есть исключить наличие оснований для кассационного и надзорного обжалования (в чем и проявляется влияние судебной ошибки на пределы рассмотрения дела апелляционным судом). Выполнение данной задачи напрямую связано с необходимостью предоставления суду права рассматривать дело и вне обжалуемой части. Выявление и исправление судебных ошибок только в обжалованной части, оставляет большую область существования оснований для обжалования судебных актов, вступивших в законную силу [4, с. 21].

В изменениях процессуального законодательства за последнее десятилетие прослеживается тенденция усиления принципов диспозитивности и состязательности, что свидетельствует о проводимой законодателем политике реализации частноправовой модели, предусматривающей минимальное вмешательство государства в частные интересы. Осуществляя правосудие, суд не может руководствоваться исключительно мнением участников спорного правоотношения, чтобы считать те вопросы, с решением которых они согласны, не нарушающими закон, права других лиц. Следует согласиться с тем, что «решение арбитражного суда – это акт правосудия, которым защищаются как права сторон, других лиц, участвующих в деле, так и правопорядок в государстве.

Пересмотр судебных актов, вступивших в силу, возможен в кассационном порядке. П. 5 ч. 1 ст. 390 ГПК РФ предоставляет суду кассационной инстанции полномочие по принятию нового судебного акта, не передавая дело на новое рассмотрение, если допущена ошибка в применении и (или) толковании норм материального права.

Наделение суда кассационной инстанции полномочием по принятию нового судебного акта, объясняется тем, что кассационное судопроизводство должно способствовать достижению конечного результата с минимальными затратами времени и сил, предоставлять возможность скорейшей защиты нарушенных прав и законных интересов, т.к. до вынесения окончательного судебного акта участники спорного правоотношения находятся в состоянии правовой неопределенности относительно предмета спора. В такой ситуации крайне важно быстро разрешить спор, в связи с чем оперативность восстановления и защиты гражданских прав имеет особую ценность и значимость.

Новое решение - это иное суждение суда о правах и обязанностях сторон, противоположное по содержанию решению нижестоящего суда, т.е. принципиально иное материально-правовое разрешение спора. В новом решении выводы вышестоящего суда по существу спора будут диаметрально противоположны выводам отмененного судебного акта, т.е. первоначальное решение об отказе в иске заменяется решением о его удовлетворении и наоборот. Такая замена может быть осуществлена только после отмены обжалованного судебного акта.

Что касается второго условия, то ошибка в применении норм права может являться основанием и для изменения, и для отмены судебного акта с принятием кассационной инстанцией нового судебного акта по делу. Критерием разграничения здесь будет являться то, что основанием к отмене судебного акта и вынесению нового решения по делу является такое нарушение норм права, которое связано с неправильным определением прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, по существу спорных правоотношений. В этом случае правильное применение нормы права ведет к иному (диаметрально противоположному) определению прав и обязанностей лиц, участвующих в деле [5, с. 19].

Вместе с тем кассационный суд, исходя из положений ч. 3 ст. 390 ГПК РФ, вправе давать не всякие указания, имеющие отношение к рассматриваемому делу. Передавая дело на новое рассмотрение, суд кассационной инстанции не вправе навязывать суду первой и апелляционной инстанций свою оценку доказательств, предпрещая вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, о преимуществе одних доказательств перед другими. В том случае, если суд кассационной инстанции выйдет за рамки, очерченные ч. 3 ст. 390 ГПК РФ, он тем самым произведет переоценку имеющихся в деле доказательств, что является основанием принятия нового решения, а не передачи дела на новое рассмотрение в первую или апелляционную инстанцию суда [6, с. 14].

Кассационный суд не может предпрещать вопрос о том, какая норма материального права должна быть применена. Однако надо признать, что достаточно сложно провести грань между ч. 3 ст. 390 ГПК РФ и положениями п. 7 и 8 ч. 1 ст. 388 ГПК РФ, устанавливающих, что в определении, постановлении кассационной инстанции должны быть указаны выводы суда кассационной инстанции по результатам рассмотрения кассационных жалобы, представления, а также мотивы, по которым суд пришел к своим выводам, и ссылка на законы, которыми суд руководствовался при принятии определения, постановления, что по существу означает не что иное, как косвенное указание суду нижестоящей инстанции на применимую норму права.

Судебная практика показывает, что избежать такого указания в судебном акте суда кассационной инстанции, особенно если судебный акт отменен исключительно из-за неправильного применения норм материального права, невозможно [7, с. 251].

Суд кассационной инстанции должен иметь возможность, пусть и рекомендательно, высказывать свое мнение о том, какая норма права подлежит применению, иначе суд кассационной инстанции просто дезориентирует суд первой и апелляционной инстанций в вопросе выбора материальной нормы права. Принимая конкретное решение, суд первой или апелляционной инстанции был уверен в правильности своей правовой позиции, поэтому, отвергая ее, суд кассационной инстанции не должен оставлять суд нижестоящей инстанции один на один со своими сомнениями.

Кассационная проверка дела зачастую является последней в череде судебного обжалования, в связи с чем полномочия суда кассационной инстанции должны быть определены в законодательстве достаточно четко, а их толкование и применение не должно вызвать серьезных вопросов как у суда, так и у лиц, участвующих в деле. Именно такой подход позволит повысить доверие как к кассационной инстанции судов общей юрисдикции, так и к судам общей юрисдикции в целом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (в ред. от 21 июля 2014) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2009. № 4. Ст. 445; СЗ РФ, 2014. № 31. Ст. 4398.
 2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 05 февраля 2014) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1997. № 1. Ст. 1.
 3. Гражданский процесс: / под ред. В.В. Блажеева и Е.Е. Уксусовой. М.: Проспект, 2015. 376 с.
 4. *Грось Л.А.* Производство в судах кассационной инстанции - основная форма проверки законности судебных актов, вступивших в законную силу // Арбитражный и гражданский процесс, 2012. № 9, 10.
 5. *Сахнова Т.В.* Пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу: о сущности и законодательных противоречиях // Вестник гражданского процесса, 2014. № 1. С. 10-28.
 6. *Терехова Л.А.* Система пересмотра судебных решений в ГПК РФ // Вестник гражданского процесса, 2012. № 3.
 7. *Цувина Т.А.* Мотивированность решений суда и право на суд в гражданском судопроизводстве // Проблемы законности, 2012. № 121. С. 245-256.
-

ПРЕДЕЛЫ УСМОТРЕНИЯ СУДА В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Федоров В.В.

*Федоров Владимир Витальевич – магистрант,
кафедра гражданского процессуального права,
Северо-Западный филиал*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Российский государственный университет правосудия, г. Санкт-Петербург*

Аннотация: в статье анализируется институт судебного усмотрения; раскрывается существо понятия пределов судебного усмотрения; приведен анализ особенностей института приказного производства в той его форме, которая нашла отражение в рамках деятельности, осуществляемой арбитражными судами; рассмотрены процессуальные инструменты и полномочия, которыми наделен арбитражный суд при рассмотрении заявления о вынесении судебного приказа; исследованы пределы судебного усмотрения при рассмотрении заявления о выдаче судебного приказа в арбитражном судопроизводстве.

Ключевые слова: арбитражный процесс, приказное производство, реформирование института судебного приказа.

В юридической доктрине теме пределов судебного усмотрения посвящена основная часть всех разработок, касающихся института судебного усмотрения в целом. Исследователями представлено множество концепций, классификаций и подходов относительно как самого понятия пределов дискреции, так и конкретных их разновидностей. Однако представляется в большей степени эффективным практикоориентированный подход к данной категории, исключающий излишнюю теоретизацию в силу необходимости пояснения действительной реализации усмотрения суда и факторов, способных установить для него рамки.

Так, представляется возможным следующее понимание пределов дискреционных полномочий:

Пределы судебного усмотрения – это определенные **ограничения** той свободы правоприменительной деятельности суда при разрешении конкретных юридических споров, которая предоставлена непосредственно законом или вытекает из неопределенности правовой нормы.

При этом данное понятие применимо лишь к судебному усмотрению в узком смысле, так как установление границ интеллектуально-волевой деятельности суда, его практически абсолютной свободы (в широком смысле усмотрения) фактически невозможно, поскольку надлежащий правовой механизм для создания таких ограничений отсутствует.

Также стоит сделать следующее замечание: приведенное понятие пределов лишь с небольшой долей является условным и не представляется слишком широким, как кажется таковым на первый взгляд (в силу отсутствия указания на конкретный характер ограничений). Вследствие невозможности очертить четкий круг ограничений свободы усмотрения суда, понимаемых даже в узком смысле, системообразующими факторами в выработанном понятии являются представленные главные **признаки пределов** усмотрения: (1) это определенные лимиты; (2) предмет ограничений – свобода деятельности суда в области юридического процесса; (3) предмет ограничений четко конкретизирован.

В соответствии с нормами процессуального законодательства (например, статья 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, что является по своей сути предоставлением ему относительной свободы, исходящей из принципа

свободной оценки доказательств [3]. Внутреннее убеждение должно быть основано на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Учитывая, что доказательства в процессе отражают фактические обстоятельства дела, следует отметить, что деятельность суда по оценке доказательств – это также деятельность, исследующая факты. Соответственно, оценивая факты дела, суд также исходит из своего убеждения, осуществляя процесс юридического познания. Таким образом, обстоятельства дела не могут являться пределом усмотрения в полной мере, так как подлежат оценке и квалификации судом, который основывается при этом на своем собственном убеждении.

Д.Б. Абушенко связывает разрешение проблемы установления фактических обстоятельств по делу по усмотрению с ответами на два вопроса: «...свободен ли суд при установлении фактических обстоятельств, и если свободен, то можно ли это именовать судебным усмотрением?» [1].

Вместе с тем, в ходе реформирования процессуального законодательства и внедрения института судебного приказа в арбитражное судопроизводство, законодателем искусственно установлены существенные пределы дискреционных полномочий суда.

Как справедливо отмечено Папковой О.А., судебское усмотрение осуществляется не только при установлении фактов материально-правового значения (предмета доказывания), доказательственных фактов, но и при определении фактов, являющихся основанием совершения отдельных процессуальных действий [2, 413].

Прежде всего, необходимо отметить некоторые особенности института приказного производства и той его форме, которая нашла отражение в рамках деятельности, осуществляемой арбитражными судами.

Федеральным законом от 02.03.2016 № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» АПК РФ дополнен главой 29.1 «Приказное производство». Указанные изменения вступили в силу 01.06.2016.

Впоследствии Федеральным законом от 19.12.2016 № 435-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» в том числе в главу 29.1 АПК РФ внесены изменения, наряду с отказом в принятии искового заявления, появился механизм отказа в принятии заявления о выдаче судебного приказа.

В настоящее время при поступлении в суд заявления выдаче судебного приказа суд в соответствии с частью 2 статьи 229.5 АПК РФ выносит судебный приказ, при этом суд исследует изложенные в направленном взыскателем заявлении о выдаче судебного приказа и приложенных к нему документах сведения в обоснование позиции данного лица и выносит судебный приказ на основании представленных документов [3].

В то же время положения главы 29.1 АПК РФ предельно ограничивают свободу суда при установлении фактических обстоятельств лишь теми документами и доказательствами, которые представлены заявителем.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть процессуальные инструменты и полномочия, которыми наделен арбитражный суд при рассмотрении заявления о вынесении судебного приказа.

Так статья 229.4 АПК РФ содержит основания для возвращения заявления о выдаче судебного приказа или отказа в его принятии, при чем перечень оснований и в том и в другом являются закрытыми.

Таким образом, дискреционные полномочия арбитражного суда при рассмотрении заявления о выдаче судебного приказа сводятся к проверке поданного заявления на соответствие требованиям, указанным в главе 29.1 АПК РФ, а также к выявлению оснований, перечисленных в статье 229.4 АПК РФ.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского

процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» Верховный Суд Российской Федерации указывает, что требования, рассматриваемые в порядке приказного производства, должны быть бесспорными [6].

Такие требования следует рассматривать как бесспорные, если несогласие с заявленным требованием и обосновывающими его доказательствами не вытекает из представленных в суд документов [6].

Следовательно, учитывая эти положения, дискреционные полномочия суда в рамках приказного производства сводятся к проверке и оценке представленных документов не только на предмет их соответствия формальным требованиям, но и на предмет их бесспорности. Однако в силу наличия существенных ограничений, остается не ясным, насколько суд в рамках приказного производства свободен в оценке доказательств в понимании статьи 71 АПК РФ.

При указанных обстоятельствах, складывается ситуация, когда недобросовестные участники гражданского оборота могут использовать приказное производство вопреки декларируемым задачам судопроизводства, к примеру, представив в суд поддельные, либо неактуальные документы (акт сверки, задолженность по которому уже оплачена).

В этой ситуации суд становится заложником ограничений дискреционных полномочий суда при установлении фактических обстоятельств.

В этой связи представляется целесообразным реформировать институт приказного производства в арбитражном процессе таким образом, чтобы обращение в суд с заявлениями о выдаче судебного приказа было ограничено категориями дел, бесспорность требований по которым за отдельными участниками гражданского оборота презюмируется с высокой степенью вероятности, к примеру, по требованиям ресурсоснабжающих организаций об оплате поставленного ресурса или государственных органов по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций.

Данный вывод приобретает еще большую актуальность в связи с наличием в арбитражном процессе упрощенного производства и пониманием необходимости увеличения формального критерия по цене иска.

Список литературы

1. *Абушенко Д.Б.* Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 1999.
2. *Папкова О.А.* Усмотрение суда. М.: Статут, 2005.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 17.04.2017).
4. Федеральный закон от 02.03.2016 № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 19.12.2016 № 435-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации».
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве».

К ВОПРОСУ О ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ЗАЯВЛЕНИЙ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЙ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОМУ СУДУ

Дмитриева Г.С.

*Дмитриева Галина Сергеевна – магистрант,
кафедра гражданского процессуального права,
направление подготовки: арбитражный процесс, гражданский процесс,
административный процесс,
Северо-Западный филиал
Российский государственный университет правосудия, г. Санкт-Петербург*

Аннотация: в статье анализируются существующие позиции высших судов по вопросу подведомственности заявлений об оспаривании решений таможенных органов о привлечении к административной ответственности судам и возникающие в связи с этим актуальные вопросы правоприменительной практики.

Ключевые слова: производство по оспариванию решений таможенных органов о привлечении к административной ответственности в арбитражном суде, подведомственность, разграничение подведомственности между судом общей юрисдикции и арбитражным судом.

Вопрос выбора компетентного суда – важная предпосылка реализации права на обращение в суд, в том числе с заявлением об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности.

Закрепленные в Арбитражном процессуальном кодексе (далее - АПК РФ) [1] правила разграничения подведомственности споров с системой судов общей юрисдикции конкретизированы в ч. 3 ст. 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) [2]. Согласно указанной норме, после внесения в 2014 году изменений [4], постановление по делу об административном правонарушении, связанном с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем (далее - ИП), обжалуется в арбитражный суд в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством.

Изменения вызвал п. 33 постановления Пленума Верховного Суда от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [6], указывающий на необходимость учитывать объективную сторону правонарушения при определении подведомственности заявлений в порядке § 2 гл. 25 АПК РФ.

Следуя данному разъяснению, законодатель стремился распределить смысловую нагрузку между критериями субъектов и характера спора.

Поддержал эту позицию и Конституционный Суд в своем определении от 23.04.2015 № 739-О [7], указывая, что определение связи конкретного правонарушения с экономической деятельностью требует установления и исследования судом фактических обстоятельств дела, то есть при определении подведомственности необходим анализ объективной стороны административного правонарушения.

Однако за кажущейся прозрачностью названных критериев сложилась неоднозначность правоприменительной практики, в особенности при оспаривании решений таможенных органов о привлечении к административной ответственности.

Относительно таможенных правонарушений Верховный Суд в своем постановлении от 22.09.2014 по делу № А43-7534/2013 [8] высказал направленную на формирование единообразия в судебной практике позицию. Касается она вопроса подведомственности заявления об оспаривании постановления таможенного органа о

привлечении к ответственности по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ, устанавливающей административную ответственность за заявление декларантом либо таможенным представителем при таможенном декларировании товаров недостоверных сведений, если они послужили или могли послужить основанием для освобождения уплаты таможенных пошлин, налогов или занижения их размера (а значит, в целях сокрытия части своей прибыли), и заключается в следующем: поскольку объектом состава данного правонарушения являются общественные отношения в области нарушения таможенных правил, оснований полагать, что такое правонарушение может быть совершено юридическим лицом или ИП в связи с осуществлением ими предпринимательской или иной экономической деятельности не имеется.

Приведенная выше позиция была высказана, несмотря на то, что ввозимые указанными участниками внешнеэкономической деятельности товары используются не для личного пользования, а для дальнейшего введения в гражданский оборот в целях извлечения прибыли.

В связи с постановлением от 22.09.2014 по делу № А43-7534/2013 возникает несколько актуальных вопросов.

Первый указывает на необходимость уяснения критерия характера спора, требуя как от заявителя, так и от правоприменителя четкого представления о сущности предпринимательской и иной экономической деятельности.

Если понятие предпринимательской деятельности раскрывает ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации [3], однозначное определение экономической деятельности в нормативных актах или науке отсутствует, размывая понимание ее природы.

Например, деятельность таможенного представителя признается экономической на нормативном уровне согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности [5], а деятельность декларанта – нет. Значит ли это, что подведомственность заявления об оспаривании решения таможенного органа о привлечении к административной ответственности приведенных субъектов при условии совершения ими аналогичного правонарушения будет различной?

Из первого следует и второй актуальный вопрос.

Учитывая существующую позицию Верховного Суда, заявления об оспаривании постановления таможенного органа о привлечении к административной ответственности за «таможенные» правонарушения неподведомственны арбитражному суду в любом случае. Очевидно, это должно касаться заявлений об оспаривании постановлений административных органов о привлечении к административной ответственности и за совершение прочих предусмотренных КоАП РФ правонарушений.

Тем не менее, практика рассмотрения таких заявлений арбитражными судами существует в настоящее время [9]. Почему же?

Возможно потому, что с учетом объективной стороны правонарушения, включая таможенное, спор, возникающий из публичных правоотношений и рассматриваемый в порядке § 2 гл. 25 АПК РФ, носит экономический характер, если юридические факты, по поводу которых он возник, порождают правовые последствия как в сфере публичных правоотношений, так и в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Возвращаясь к рассмотрению Верховным Судом дела № А43-7534/2013, обращает на себя внимание тот факт, что рассмотрение заявления об оспаривании решения таможенного органа о привлечении к административной ответственности с нарушением подведомственности не привело к отмене Верховным Судом актов нижестоящих арбитражных судов, поскольку это не повлияло на правильность сделанных при рассмотрении дела выводов.

Следовательно, сам факт рассмотрения заявлений об оспаривании решений таможенных органов о привлечении к административной ответственности

арбитражным судом, а не судом общей юрисдикции, не приводит к нарушению норм материального права, что могло бы повлиять на правильность вынесенного арбитражным судом решения.

Высказанная Верховным Судом позиция при таких обстоятельствах, очевидно, нуждается в корректировке, поскольку создает явный дисбаланс в вопросах компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Однако на настоящий момент высшие суды с законодателем пока не смогли договориться о том, как заявителю и правоприменителю почувствовать тончайшую грань разграничения компетенции судов при рассмотрении заявления об оспаривании решения таможенного органа о привлечении к административной ответственности, и как перестать сужать компетенцию арбитражных судов.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002. № 1 (1). Ст. 1.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1994. № 32. Ст. 3301.
4. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.: Федеральный закон от 14.10.2014 № 307-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2014. № 42. Ст. 5615.
5. ОК 034-2014 (КПЕС 2008). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности: Приказ Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст (в действ. ред.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 13.04.2017).
6. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 (в действ. ред.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2005. № 6.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.04.2015 № 739-О. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 13.04.2017).
8. Об отмене постановления о привлечении к ответственности, предусмотренной ч.2 ст.16.2 КоАП РФ: Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2014 по делу № 301-АД14-1389 (А43-7534/2013). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.04.2017).
9. См., например: постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2016 по делу № А56-292/2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 13.04.2017); Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 02.12.2016 по делу № А56-8871/2016, от 28.11.2016 по делу №А56-11365/2016, от 06.12.2016 по делу № А56-66187/2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения 13.04.2017).

ИНСТИТУТ СОДЕЙСТВИЯ ТРЕТЕЙСКИМ СУДАМ: НОВАЯ ПРОБЛЕМА ИЛИ РЕШЕНИЕ

Колесникова Е.А.

*Колесникова Елена Анатольевна – магистр юриспруденции,
генеральный директор, председатель
постоянно действующего третейского суда
ООО «Мой город», г. Москва*

Аннотация: в статье анализируются действенность и значение нового института содействия третейскому разбирательству через призму основных целей, с которыми должна была справиться крупномасштабная третейская реформа, результатом которой явилось не просто внесение изменений в действующее законодательство, но и принятие новой нормативной правовой базы, резко отличающейся в своем понимании правовой природы третейского разбирательства. Позволил ли новый институт решить назревшие проблемы в области альтернативных способов разрешения споров или создал новые – центральный вопрос настоящей статьи.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, третейское разбирательство, реформа, судебная система, институт содействия, «карманные» суды, императивность, арбитраж, огосударствление.

Способы альтернативного разрешения споров более двадцати лет известны современной России. С принятием законодательства в области альтернативного разрешения споров — Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Гражданский процессуальный кодекс РФ, регулирующих вопросы признания, исполнения и оспаривания третейских решений и другие вопросы, связанные с рассмотрением споров в третейском суде (арбитраже), Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» — возможности применения способов альтернативного разрешения споров в нашей стране существенно расширились [4, с. 4]. Однако, на этом процесс реформирования, как российской судебной системы, так и третейских судов, не входивших, кстати, в нее, не окончился.

Результатом крупномасштабной третейской реформы явилось не просто внесение изменений в действующее законодательство о третейских судах, которые бы отвечали современным требованиям диспозитивного института гражданского общества, но и принятие качественно нового законодательства, по-новому подходящего к регулированию третейского разбирательства, но далеко не во всем увязанного с сущностью и правовой природой разрешения споров третейскими судами. Его основу составили Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», пришедший на смену Федеральному закону от 24.07.2002 № 102-ФЗ от 29.12.2015 «О третейских судах в Российской Федерации», который сейчас действует только в отношении споров, начатых и не завершенных до дня вступления в силу первого нормативного правового акта; и Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ, которым внесены соответствующие изменения в отдельные законодательные акты, так или иначе касающиеся третейского разбирательства.

Помимо обновленного понятийного аппарата и концепции третейского разбирательства, нормы названных законов учреждают и новый институт – институт содействия третейским судам. Является ли он решением былых проблем в области альтернативных способов разрешения споров или, напротив, порождает новые проблемы, возможно установить через призму целей третейской реформы,

результатом которой и явилось принципиально новое законодательство о третейском разбирательстве и указанный институт.

За более чем десятилетний период действия Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» в правоприменительной деятельности, связанной с рассмотрением споров указанными судами, назрели проблемы, с которыми по задумке отечественного законодателя и должен был справиться новый закон. Среди них такие, как падение уровня доверия вследствие низкого качества третейского разбирательства, наличие многочисленных злоупотреблений сторон третейского разбирательства, имеющих возможность по старому законодательству в одночасье учреждать так называемые «карманные» третейские суды, принимающие решения в пользу заинтересованной стороны, сводя «на нет» тем самым принципы объективности и беспристрастности разбирательства.

Третейская реформа по замыслу преследовала такие цели, как:

- повышение привлекательности и авторитета арбитража;
- повышение качества третейского разбирательства и востребованности указанного института гражданского общества;
- борьба со злоупотреблениями в области создания третейских судов;
- приведение действующего отечественного законодательства в соответствие с нормами международного коммерческого арбитража;
- снижение нагрузки на государственные судебные органы.

Очевидно, что новым законодательством должны были быть охвачены как внутренние проблемы функционирования третейского разбирательства, так и вопросы его гармонизации аналогично международному законодательству, а также обеспечение содействию системы отечественных государственных судов негосударственному разрешению споров.

Примечательно, что до формирования новой нормативной правовой базы реального механизма содействия третейским судам в России не было. Хотя стороны третейского разбирательства и наделялись правом обращения к судам отечественной судебной системы, в частности, для содействия в получении доказательств, соответствующая обязанность государственных судов не нашла закрепления в процессуальном законодательстве того времени, которое регулировало исключительно порядок приведения в исполнение и оспаривания решений третейских судов, вынесенных на территории Российской Федерации.

Новые нормативные правовые акты наделяют государственные суды функциями по содействию и контролю за третейскими судами, которые ныне получили наименование «арбитража» [3].

Так, статья 6 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» называет компетентным судом органы для выполнения определенных функций содействия и контроля в отношении арбитража. Речь идет о государственном суде, которым выполняются функции, указанные в частях 3 и 4 статьи 11, части 3 статьи 13, части 1 статьи 14, части 3 статьи 16 и статье 40 рассматриваемого закона [3].

Эти функции охватывают процедуры назначения арбитров, их отвода и прекращения ими полномочий, при которых компетентный суд может осуществлять такие полномочия по содействию и контролю, как:

1) назначение арбитра по заявлению любой стороны в случаях:

- если сторонами не согласована иная процедура назначения арбитров, например, уполномоченным органом арбитражного учреждения;
- если другая сторона не назначила арбитра в течение 1 месяца после получения запроса;
- в случае, если два арбитра не избрали третьего арбитра в течение 1 месяца;
- если стороны не пришли к согласию относительно кандидатуры единственного арбитра.

2) назначение арбитра при несоблюдении процедуры назначения сторонами, арбитрами или третьим лицом, включая арбитражное учреждение;

3) отвод арбитра, если сторона, заявившая отвод, в течение 1 месяца со дня получения уведомления об отклонении отвода подает соответствующее заявление в суд.

4) прекращение полномочий арбитра по требованию любой из сторон, если арбитр не заявляет самоотвод в силу неспособности участвовать в споре или неучастия в разрешении спора в течение неоправданно длительного срока [3].

При этом действующая юридическая конструкция указанной нормы в ее дословной формулировке такова, что факт выполнения названных функций не ставится в зависимость от наличия или отсутствия соглашения сторон третейского разбирательства о порядке решения названных вопросов, хотя, как мы видим, это далеко не во всех случаях так. Помимо указанных функций существенному повышению авторитета и привлекательности третейских процедур способствует содействие судов в получении доказательств, нормы о котором включены в статьи 30 и 63.1 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) [2] и статью 74.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ) [1].

Соответствующие запросы третейских судов о содействии в получении доказательств подлежат исполнению компетентными судами в течение 30 дней с момента их поступления, а основания для отказа в удовлетворении таких запросов четко установлены гражданским и арбитражным процессуальным законодательством в виде закрытого (исчерпывающего) перечня [1].

Серьезный настрой законодателя в вопросе реализации института содействия третейским судам выразился в появлении новых видов производств в отечественных гражданском и арбитражном процессе - производство по делам, связанным с выполнением арбитражными судами функций содействия в отношении третейского суда, регламентированное главой 30 АПК РФ [1] и производство по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов, включенное в раздел 6 ГПК РФ [2].

Однако, как показывает практика, институт содействия третейским судам породил больше новых проблем, нежели позволил решить существующие.

Наделение государственных судов вышеуказанными функциями содействия и контроля идут вразрез с правовой природой третейского разбирательства как института гражданского общества, для которого характерна диспозитивная процессуальная форма, привлекательные особенности которой играли определяющую роль при выборе третейского разбирательства как альтернативного способа разрешения споров.

Сегодняшняя правовая регламентация института содействия третейским судам обладает не свойственными для третейского разбирательства чертами формализованности, чрезмерной императивности и огосударствления, что выражено в смешивании диспозитивной процессуальной формы третейского разбирательства с процессуальной формой государственного судопроизводства.

Новая нормативная правовая база императивно регламентирует многие вопросы третейского разбирательства, которые ранее определялись соглашением сторон, что, однозначно, негативно отразится на гибкости и привлекательности третейской процессуальной формы, договорной по своей природе.

Меры дополнительного контроля со стороны государственных судов фактически ставят в подчинение рассматриваемый институт гражданского общества государственным судам российской судебной системы, в которую они по-прежнему не входят, что, попросту, нелогично.

Предусмотренная же новым законом разрешительная процедура создания третейских судов, ставит факт их учреждения и функционирования в прямую зависимость и от иных федеральных органов государственной власти. Содействие и контроль в вопросах назначения, отвода или прекращения полномочий арбитров со

стороны государственных судов только углубляет процесс огосударствления третейских судов, которые по своей природе должны создаваться и функционировать в договорном порядке, диспозитивно, а не императивно, переходя в рамки государственной вертикали.

Спорно и правовое положение компетентного суда по отношению к третейскому. Поскольку последний, как уже говорилось, представляет собой институт гражданского общества, вышестоящего органа, роль которого в определенных случаях берет на себя компетентный государственный суд, в третейском разбирательстве нет и не может быть.

Кроме того, осуществление государственными судами двух новых производств, связанных с выполнением функций содействия третейскому разбирательству, не только не решило проблему излишней загруженности государственных судебных инстанций, а, напротив, только увеличило и без того запредельный объем работы государственных судов, что идет вразрез с целями третейской реформы.

Таким образом, при наличии определенных достоинств, новый институт содействия третейским судам породил больше новых проблем, нежели позволил решить старые, что явно не соответствует заявленным целям реформирования как судебной системы в целом, так и института третейского разбирательства в частности.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета, 27.07.2002. № 137.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета, 20.11.2002. № 220.
3. Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ // Российская газета, 31.12.2015. № 297.
4. *Севастьянов Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права) // Редакция журнала «Третейский суд», 2015. № 7. 449 с.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»
[HTTP://WWW.SCIENCEPROBLEMS.RU](http://www.scienceproblems.ru)
EMAIL: [INFO@P8N.RU](mailto:info@p8n.ru)

 РОСКОМНАДЗОР
СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ № ФС 77-62020

 НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

+7(910)690-15-09 (MTC)
+7(920)351-75-15 (MegaFon)
+7(961)245-79-19 (Beeline)

ISSN (print) 2412-8228
ISSN (online) 2541-7800